

Новомир Патрикеев

BEEEMWAA OXOTA MA MAANE

(записки охотника

Северо-Западной Сибири)

Mumefamyfre - nhaebegranowy yeitmpy overogafusus ofmis Typompuneel

24.05.13.

Салехард ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север» 2004

II-20

Патрикеев Н.Б.

Весенняя охота на Ямале (записки охотника Северо-Западной Сибири) — Салехард: ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север», 2004. — 110 с.; ил.

Автор, известный писатель, краевед и натуралист, увлекательно рассказывает о своем детстве в Салехарде, единственном в мире городе, расположенном на черте Полярного круга, о богатом четверть вековом охотничьем опыте на Ямале. Кроме ярких описаний весенней охоты, природы, личных фенологических наблюдений, в книге запечатлены исторические и бытовые реалии 40-60-х годов прошлого века.

В библиографическом указателе книжно-журнальных публикаций Н.Б. Патрикеева о природе и охоте представлено более ста источников.

Об авторе

Новомир Борисович Патрикеев родился в 1932 году в Обдорске — единственном в мире населенном пункте, расположенном на черте Полярного круга и переименованном вскоре в Салехард. Его отец, первый агроном Ямала и страстный охотник, с раннего детства привил сыну любовь к природе и охоте. С пяти лет он начал стрелять в цель из малокалиберной винтовки, в шесть лет впервые побывал на охоте и выстрелил из дробовика, а в девять — взял первый ружейный трофей — кулика-турухтана.

Уходя на фронт, отец подарил ему двуствольный «Зауэр-Аист» 16-го калибра, с которым в конце войны юный охотник стал самостоятельно добывать уток и куропаток и на многие десятилетия стал неизменным поклонником и служителем богини охоты Дианы.

Добротное биологическое образование получил в Московской сельхозакадемии им. Тимирязева, которую с отличием окончил в 1955 году. Работать приехал на Салехардскую опытную сельско-хозяйственную станцию. С 1956 года начал публиковать газетные заметки фенолога, этюды о природе и охоте, заниматься сбором и

отправкой в Центр кольцевания колец, снятых с добытых на Ямале водоплавающих птиц, сообщал в печати не только о фактах обнаружения меток, но и местах кольцевания и зимовок птиц.

Первые охотничьи рассказы опубликованы в коллективном сборнике «Следы на тополе» (Тюмень, 1958). Большое влияние на становление автора как пишущего натуралиста оказали корифей российского охотоведения Г.Е. Рахманин и будущий крупный орнитолог Л.Н. Добринский, с которыми он вместе охотился. Первым редактором рукописей был коллега по работе известный охотовед и ученый В.П. Макридин.

Тишину научной лаборатории Н.Б. Патрикеев решительно сменил на перо журналиста, став собкором по Ямалу областной газеты «Тюменский комсомолец». Через четыре года был назначен директором Верхнепуровского совхоза, потом — руководителем группы инспекторов по сельскому хозяйству Ямало-Ненецкого окружкома КПСС. В 1965 году окончательно вернулся в журналистику заместителем редактора окружной газеты «Красный Север». Окончил Свердловскую высшую партийную школу.

В 1970—1997 годах редактировал ханты-мансийскую окружную газету «Ленинская правда» — «Новости Югры». Эти годы совпали с годами нефтяной эпопеи округа, его слава гремела на всю страну, и газета во главе с главным редактором была в гуще исторических событий. И здесь Н.Б. Патрикеев продолжил работу по изучению и охране природы края и пропаганде культурной охоты, организовал в газете ежемесячные выпуски страницы «Охота и природа» и четырехполосного приложения «Экологический вестник». В газетных и журнальных статьях он описал все виды водоплавающих, болотных и хищных птиц Обского Севера, занесенных в Красную книгу или находящихся под охраной закона; рассказал о болотно-луговой дичи и охоте на нее со спаниелями; о гусях и казарках, встречающихся в Обь-Иртышье; о поэтичной охоте на тяге вальдшнепа.

Написанными в 90-х годах прошлого века книгами «Планета любви», «Болотно-луговая охота со спаниелем» и «30 лет со спаниелем» Н.Б. Патрикеев практически возродил традиционный ранее для русской литературы жанр записок охотника. До него подобные книжки не издавались в России более тридцати лет.

Эти произведения получили высокую оценку в московских охотничьих изданиях и региональной периодике. Классиком, мастером охотничьего языка, воспевающим не только саму охоту, но и переживания, связанные с ней, возведенные в квадрат любви к родной природе, назвал Н.Б. Патрикеева кандидат биологических наук, член редакционного совета «Российской охотничьей

газеты» Сергей Фокин: «Поэт в душе, страстный охотник, очарованный природой, наблюдательный натуралист, неутомимый борец за ее сохранение. В каждой его строчке сквозит собственное восприятие природы и охоты, любовь к родному краю и чистому небу, зеркальной глади озер и охотничьим зорям. Когда начинаешь читать его книги, — оторваться невозможно».

И действительно, вчитайтесь в строки самого автора: «Осмысление многолетнего опыта и дневниковых записей при работе над публикациями непроизвольно высветило понятие «высший смысл охоты». Что это — непреодолимая страсть, инстинкт, зов предков? Или более тонкие чувства: романтика скитаний, поэзия закатов-рассветов, интерес естествоиспытателя к гармонии всего живого на Земле? Да все вместе. И еще — постижение собственного единства с Великой Природой».

Старейший краевед-культуролог Обского Севера Геннадий Тимофеев отмечал, что «в произведениях Н.Б. Патрикеева заложена подлинная красота русского языка, его точность, ясность, образность и музыкальность. Все это так убедительно, так ярко передает не только очарование картин природы, их живописность, но и глубину идей автора в поисках вечной истины».

Один из лучших современных знатоков русской охотничьей литературы, член редколлегии журнала «Охота и охотничье хозяйство» Михаил Булгаков писал: «Новомир Борисович Патрикеев, коренной сибиряк и патриот своего края, своей жизнью и деятельностью доказал (доказывает и поныне), что любовь ко всему живому и охота — вещи вполне «совместные». Кто еще может похвастаться таким же знанием населяющих Западную Сибирь наших братьев меньших — зверей и птиц, кто более Н.Б. Патрикеева рассказал о них своим землякам в печати?»

Наряду с этим, охотничьи записки Н.Б. Патрикеева являются энциклопедией охоты и фауны северного края. Рецензенты считают, «что книги написаны очень грамотным биологическим языком, и в описании различных видов птиц и зверей автор полностью избежал ошибок».

В 1997 году он был принят в Союз писателей России, а в 1999-м— в элитарный Международный историко-литературный ЮНЕСКО-клуб охотников «Кречет».

С середины 60-х годов Н.Б. Патрикеев известен и как историк края. Окончив аспирантуру по исторической специальности, он стал основоположником историографии молодежного и детского движения на севере Западной Сибири, зачинателем исследования

истории земледелия в Обском Приполярье, автором одиннадцати историко-краеведческих книг.

Н.Б. Патрикеев — видный деятель журналистского движения страны, с 1971 по 1990 год — бессменный член правления Союза журналистов СССР, затем Федеративного совета СЖ России, тридцать лет возглавлял окружную журналистскую организацию.

В 1997—1999 годах Н.Б. Патрикеев работал заместителем председателя Комитета по средствам массовой информации и полиграфии Администрации Ханты-Мансийского автономного округа, в 1999—2000 годах — заместителем главного редактора трехтомной энциклопедии «Югория», с 2001 года — заместителем директора Угорского научно-исследовательского центра Уральского государственного университета. В эти годы он активно трудился как один из авторов учебного комплекса по истории Югры с древности до наших дней, ответственный редактор и соавтор монографии «Очерки истории Югры», член авторского коллектива книги «Ямал: грань веков и тысячелетий» и готовящейся к изданию энциклопедии «Ямал».

Н.Б. Патрикеев — академик Петровской академии наук и искусств, Академии социальных технологий и местного самоуправления Международной академии информатизации, действительный член Русского географического общества, почетный член общества охотников, заслуженный работник культуры Российской Федерации, заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа. Награжден орденом Дружбы и медалями.

В 2002 году он назначен председателем Комиссии по вопросам помилования граждан на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Жизнь писателя насыщена, увлечений множество, материалов в писательском портфеле столько, что хватит не на одну книгу.

Т. Пуртова,

библиограф, заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа

Глава І. Из воспоминаний детства и юности

Образно говорят, что люди рождаются с гармошкой, книгой, кистью, плотницким топором или с другим каким-то признаком, предметом, инструментом, определяющим впоследствии всю их жизнь. Мне, наверное, выпало родиться с охотничьим ружьем. Случилось это в 1932 году в старинном Обдорске, через год переименованном в Салехард. Отец мой, Борис Владимирович, дед по матери Кузьма Кириллович Пермяков (в городе есть улицы их имени), второй дед Владимир Иванович Патрикеев, два дяди и даже одна тетка были страстными охотниками.

И первые разговоры мужчин, которые я услышал, были об охоте, о книгах, собаках и, конечно, о ружьях, которые в то время спокойно висели на гвоздях и на самом видном месте. У одного деда был курковый «Пипер-Байярд» с длинными витыми дамасковыми стволами, у второго деда и дяди — старинные курковые «тулки», у другого дяди — трехствольный «Зауэр», у отца — две бескурковки, «Зауэр-Ястреб» и «Геко», позже появился курковый «Зауэр-Аист». Про теткино ружье знаю, что это была легкая немецкая «двадцатка». На весенней охоте хозяйка так затаилась в снежной яме-скрадке от налетавшей стаи казарок, что набрала в стволы снега. Дуплет — и ружье раздуло. А, рассказывают, очень лихо стреляла.

Ружьями гордились, их любили и лелеяли. Долгой зимой частенько доставали, протирали, прикладывались для тренировки и удовольствия. Вновь приобретенные — показывали друг другу, тщательно осматривали, разбирались в клеймах и проверяли. Прямизну и правильность сверловки стволов, например, — путем наложения на них иголки, играющей роль магнитной стрелки, а также по концентричности «теневых» колец внутри.

Иногда приносили охотничью литературу. Часто рассматривали объемистый каталог русского и иностранного оружия, изданный в начале XX века в Москве. Чего только там не было — гладкоствольные ружья разных систем, штуцера, винтовки, пистолеты и револьверы. И не скажу, что современное охотничье вооружение далеко шагнуло за прошедший век, — и полуавтоматы, и бескурковки, и бокфлинты-вертикалки — почти весь теперешний арсенал можно было увидеть.

Говорили об охотничьих классиках С.Т. Аксакове и А.П. Сабанееве. Помню, смеялись над тургеневской «классификацией» охотников: «ахалы, бахалы и трахалы», серьезно, но не без юмора обсуждали его статью «Пятьдесят недостатков ружейного охотника и пятьдесят недостатков легавой собаки».

Выходило немало и новинок. У меня сохранились отцовские «Охота на гусей» С.А. Постникова (КОИЗ, 1933), «Охота на нырковых уток с чучелами и сетью» А.А. Сухарникова (КОИЗ, 1933), «Основы охотоведения» Н.А. Флерова (Сельхозгиз, Москва Ленинград, 1930). Обсуждали одноименное пятитомное (!) издание Д.К. Соловьева, «Настольную книгу охотника» С.А. Бутурлина, работы Н.А. Зворыкина, А.А. Зернова и Григория Евгеньевича Рахманина, будущего друга отца, с которым мне посчастливилось близко познакомиться и вместе охотиться в 50-е годы.

В довоенном Салехарде почти каждый здоровый мужчина был охотником. Многие владели хорошим оружием, и старинным, и регулярно поставляемым на Север отечественным и импортным. В большом ходу были добротные ижевские одностволки редких теперь 32-го, 28-го и 24-го калибров. Часто встречались бывшие военные винтовки — системы Бердана («берданки») и рассверленные под охотничий патрон «фроловки», так называемые «высверлки». В некоторых семьях сохранились дореволюционные российские казнозарядные ружья: прекрасные двуствольные «петровки», «императорки» и одноствольные «ижевки» со сплошной прицельной планкой.

Естественно, выделялись наиболее заядлые, азартные, хорошие стрелки, приверженцы культурной охоты. Среди местных известны были старожилы братья Булыгины, братья Гладовские, гусятники Сергеев и Мотошин, среди приезжих и имевших профессиональное отношение к организации охотничьего промысла — В.Ф. Никитин, братья Лущики, Пашкевич и, конечно, Борис Борисович Лебле, будущий доцент, глава целой школы охотоведов-лесоводов.

И неудивительно, что с приближением весны об охоте говорил весь город. Начиналось великое таинство снаряжения патронов.

Почти все делалось вручную. На чурбаке специальной высечкой рубили картонные пыжи-прокладки и войлочные (из старых валенок). Последние потом «просаливали», нанизав на нитку, какимнибудь горячим жиром, чаще рыбьим, с добавкой воска или стеарина, а перед зарядкой обстукивали по бокам для мягкости молотком. В дрожжевой гуще мыли медные и латунные гильзы, закопченные дымным порохом и с зеленым налетом от влаги.

Медные капсюли центрального боя (красные — помягче и желтые, винтовочные, — более твердые и менее желательные) в многократно употребляемые гильзы с изношенными пистонными гнездами осторожно забивали легким молотком на деревянных «пыжилках»-навойниках. Прибор «Барклай» применялся для вдавливания пистонов в новые металлические и только-только появившиеся папковые гильзы. В последние под каждый капсюль «Центробой» нужно было вставлять маленькую плоскую наковальню-трезубец, что уже полностью исключало какие-либо удары.

Порох был только черный, четырех номеров: первый — крупный, далее — средний, мелкий и редко — очень мелкий, самый ценный, блестящий, как антрацит. Если обычные сорта упаковывались в прямоугольные картонные коробочки, то лучший, его называли царским, продавался в овальных, оклеенных бумагой жестяных баночках с оригинальной маленькой крышкой-задвижкой. Бездымный порох встречался редко, да и многие ружья не были для него достаточно прочными.

По свежим рассказам знаю, что один из пионеров применения нитропороха в Салехарде Михаил Анисимов чуть было не пострадал от новинки. Как-то весной он зарядил «бездымкой» полсотни латунных гильз. После первого же быстрого дуплета послышались лишь щелчки курков. Решив, что произошли осечки, охотник поставил ружье к стенке скрадка. И хорошо, что выполнил старое правило безопасности — не открыл сразу после осечки ружье. Через мгновение оно бабахнуло почти залпом. Эксперимент продолжался на глазах сидевших невдалеке других охотников. Иногда случались нормальные выстрелы, но чаще — затяжные, как у фитильной древней пищали: пошипит-пошипит да как трахнет.

А причина была в отсутствии специальных капсюлей «Жевело». Картонные гильзы под них и сами пистоны, а соответственно и бездымные пороха стали широко распространяться уже в послевоенные годы.

И, наконец, последний компонент, долгие годы остававшийся дефицитным, — дробь. Ее чаще делали сами: лили расплавленный свинец через консервную банку с отверстиями в машинное масло или разными способами изготовляли маленькие кубики из

свинца. Округлую форму придавали дробинкам на сковородках, изредка применяли «дробокаталку» из двух дисков на оси — нижний с бортиками, верхний с ручкой для вращения — предел механизации. Снаряженные патроны помещали в специальные чемоданчики из крашеной фанеры или тонких досок, иногда с круглыми отверстиями-гнездами по калибру (прототип контейнера).

Важной заботой была подготовка манщиков. Чучела, как их называли, предпочитали работы тобольских мастеров из специальных артелей, прекрасно раскрашенные, почти всех пород (не встречал только широконосок-соксунов и чирков-трескунов). Их выдалбливали из цельных кусков легкого просушенного дерева, чаще липы. Донца были деревянные, реже — жестяные. Тонкие корпуса нередко трескались или простреливались, а насаженные на штырьки с клеем головы отламывались. Все дефекты шпаклевали оконной замазкой, подклеивали, подкрашивали. Я лет тридцать раскрашивал свои самодельные пенопластовые манщики по тем образцам.

Не могу не упомянуть и пару виденных старинных манщиков уток-морянок из папье-маше. У них очень своеобразные сложные краски, особенно на головах, и очень длинный тонкий хвост у самца, но как точно были сделаны, просто художественное произведение. Они и стояли у одного старожила, не охотника, на комоде как украшение. Фанерные манщики-профили делали в основном гусиные, хотя, случалось, и утиные.

Но настоящим чудом прикладного искусства можно было считать набивные, перовые чучела. Это были словно живые утки, гуси и даже лебеди-кликуны. Единственный недостаток — недолговечность. Но зато как подманивали, пока новые. Друг рассказывал, как селезень морской чернети в любовном экстазе взгромоздился на плавающую перовую «самку» и взлетел, только когда отломил у нее уже засохшую верхнюю часть клюва. На отмелях или берегах ставили на рогульки убитых уток. Знаю, что ямальские ненцы и ханты делали еще проще — разбрасывали в озере обожженные сучки и куски дерева, к которым смело подсаживались нырки, особенно синьга и турпаны.

В низовьях Оби с широкими и глубокими сорами-разливами невозможно охотиться весной без легкой лодки для расстановки манщиков и подбора трофеев с воды. Большинство ездило на хантыйских калданках, шитых кедровым корнем из трех частей (долбленое дно и гнутые борта), проваренных по донным швам древесной серой и соединенных сверху тонкими округлыми перекладинами, без единого гвоздя, легких и стойких на волне. Название

произошло от хантыйского слова «калдан» — небольшой, обернутый в бересту камень-пригруз для старинной донной ловушки на крупную рыбу, своеобразного маленького трала.

Наверное, последнюю такую снасть я видел под Салехардом в середине 60-х годов. На Игорской Оби, у поселка Пельвож, недалеко от выхода из нее протоки Харпосл почти ежедневно «калданил» старый хант Андрей. Его полуразвалившаяся избушка стояла недалеко на высоком берегу.

Калданки, как правило, делали двухместные на две уключины, которые крепились к бортам на небольших подушках, крепко прикрученных корнем или прочной веревкой. На продольных досочках высотой пять-семь сантиметров устанавливались приколоченные к ним дощатые сидения (беседки) длиной чуть больше полуметра. Между ними лежала доска, напоминающая гладильную, с бортиком — упорка для ног гребца, привязанная за противоположный конец прочной веревкой к передней перекладине лодки, — получался удобный амортизатор. А при традиционной в непогоду ночевке под калданкой все три деревянные изделия клали на землю, застилая старой шкурой, рогожным мешком (кулем) или поношенным ватником, которые всегда лежали на беседках.

Реже встречались калданки на одного человека, без места для рулевого, а еще реже — большие, «моржовки», с тремя уключинами. Второй гребец сидел за спиной основного в более узкой носовой части и имел одно весло.

Особенно славились калданки кушеватских мастеров с высоким закругленным носом и удлиненной острой кормой. Яйцевидный обвод дна по длине лодки определял необыкновенную легкость скольжения по воде, то есть одновременно ходкость и устойчивость. Конструкция, технология изготовления, красота и эксплуатационные качества обской калданки вполне сравнимы с другим непревзойденным произведением народов Севера — чумом оленеводов.

Думаю, в обоих случаях есть какой-то элемент волшебства, неземной заданности. До сих пор не знаю — реалия, мираж или оптический эффект то, что я наблюдал июньской белой ночью в поселке Восяхово на берегу Малой Оби. В золотистой узкой щели, отделявшей горизонт от сине-серого небосвода, внезапно появилось ярко-золотое солнце в короне слепящих лучей, заигравших на голубой воде розовыми пятнами. В это время из-за мыса вышел караван: маленький рыболовный бот вел на буксире три плавные лодки-бударки астраханского типа и с десяток желто-белых, еще некрашеных и несмоленых калданок. Первые четыре суденышка

бороздили гладь протоки носами и оставляли свой след, а новые калданки, похожие не индейские пироги, плыли, словно воздушные корабли, не касаясь воды.

Было много и дощатых лодок, но не плоскодонок-утюгов, а так называемых городовушек с заостренным носом и суженной кормой, овальных в поперечном разрезе. Они также хорошо «держали» волну, имели две-три уключины. Самые большие лодки на четыре и более уключин назывались неводниками, лодки с каютой на корме — каюками. На них, как правило, каждый гребец работал одним веслом. На городовушках и неводниках иногда ставили паруса.

Традиционные местные весла ханты мастерски выстругивали из ели. Отверстия для уключин всегда просверливались, применять примитивные металлические скобки на гвоздях и плоские весла из доски считалось не только непрактичным, но и неэстетичным. Лопасти калданочных весел имели форму лаврового листа, а у больших лодок напоминали колокольчик в разрезе с закругленными нижними краями. Кормовые весла делали изогнутыми для большего захвата воды с удобной ручкой на конце. Обязательной принадлежностью каждой лодки был совок-черпак с длинной рукояткой, по-местному — лейка. Из нее пили при надобности чистую тогда забортную воду, вычерпывали попавшую в лодку и глушили крупную рыбу, вынутую из сетей.

Городские охотники хранили лодки у знакомых, живущих на берегу. А с наступлением теплых дней шли «заваривать», укрепляли перекладины и уключины, смолили днища, на швы изнутри и снаружи накладывали кусочки вара-битума и разравнивали нагретым на костре загнутым металлическим прутом типа кочерги или самой кочергой. Кто-то смолил полностью, кто-то красил борта разными оттенками зеленого цвета. Очень редко, но встречались совершенно белые, незаметные на фоне обычно заснеженных берегов или напоминавшие сугроб или льдину, когда основной снег сойдет.

Я присутствовал не только при ремонте наших лодок. Как только начал хорошо ходить, бабушка по отцу, Ольга Павловна, старая учительница-пенсионерка, стала водить меня к весенней реке на прогулку. На почерневшем берегу Полуя, у первой талой воды, на кострах висели котлы с кипящей смолой, рядом глыбы вара, тюки смолевой пакли, деревянные брусья, доски, рейки, стружка. Неповторимый аромат, смещанный в теплом весеннем воздухе, волнует до сих пор. Да и звуки — визг продольных и поперечных пил, стук топоров и молотков, веселые крики плотников и конопатчи-

ков, готовивших к навигации деревянный тогда грузовой и рыбацкий флот: баржи, паузки, плашкоуты, парусные шаланды.

А над всем этим — весеннее небо. Высокое до бесконечности, чистое до прозрачности, оно и сейчас кажется мне таинственным и всевидящим, как загадочный хрустальный глаз Космоса. Бабушка, родом с Урала, говорила, что никогда не видела такого красивого и заколдовывающего неба, как на Севере. Она постоянно любовалась им и порой задолго до появления видимых признаков весны чувствовала ее дыхание по изменению небесных красок.

Я понял это много позже, прочитав у Александра Блока:

Ветер принес издалека Песни весенней намек, Где-то светло и глубоко Неба открылся клочок...

Альфред Брем, побывавший на Ямале, писал в книге «Жизнь на Севере и Юге», что лучшим украшением тундры является небо.

Берег стал любимым местом наших детских игр. С первыми проталинами мы выходили на полуйский яр, наблюдали прилет пуночек, появление на льду промоин, прибыль воды. С особым интересом смотрели, как первыми отправлялись на весеннюю охоту промысловики-гусятники. Они, возбужденные внутренне, но серьезные от сложности предстоящей операции, вплавь переправляли лошадей, запряженных в розвальни, через глубокие закраины. Не все животные сразу заходили в воду, некоторые испуганно ржали, разворачивались и возвращались на берег. Привычные переплывали более или менее спокойно, но заметно волновались и фыркали, когда хозяева тянули их за повод, помогая выкарабкаться на твердый лед.

По нему-то, извилистой синеватой полосой уходящему вверх по реке, и отъезжал маленький обоз. Везли немалую поклажу: калданки с хорошо уложенным припасом, чтобы не промок при переправах, набивные манщики (гусиные профили они не признавали) и необычные сооружения — громадные, два на два метра, плетенные из толстых веток каркасы крыш своих капитальных скрадков-станков. Там им предстояло жить недели две-три, а то и месяц, в зависимости от времени пролета гусей.

По заберегам отплывали и наиболее заядлые любители. Они легко перетаскивали калданки через лед, добираясь до пойменных разливов-соров. Каждый занимал заветное место, на которое никто не покушался, как, впрочем, и на рыболовецкие угодья. Они являлись своего рода вотчинами, часто носившими имена пользователей. Если посмотреть на Полуй от агроэкономического колледжа, то прямо увидим Монашкин остров, где когда-то косили

сено обдорские монахини, правее за рекой — Юркину протоку, еще правее — Черкашинский сор.

На своих мысах или берегах заливов охотники строили из таловых веток похожие на подкову скрадки-загородки с открытым верхом, замаскированные прошлогодней травой или сеном. В них поджидали уток, время от времени подсаживающихся к плавающим рядом манщикам. Большинство стреляло только сидящих птиц. Из экономии боеприпасов старались «спаривать» или «страивать» уток, а если сплывется в кучу больше, тем лучше. Вот только не знаю, как там было насчет самок, — наверняка, их тоже убивали. Но зато и гнездиться утке не мешали, так как с подъезда и подхода стреляли только по случаю, и охотников было в сотни раз меньше, чем сейчас. Соответственно, так называемый фактор беспокойства почти не наблюдался. Хорошо, что и теперь в российских правилах охоты стрельба водоплавающих птиц весной разрешена только из укрытия.

Как вы уже догадались, весенняя охота начиналась с прилета, а закрывалась 15 июня, чтобы успеть пострелять более позднюю, крупную, черную утку (так называли нырков) — морскую чернеть, синьгу, турпана.

На берегу мы видели и возвращающихся с охоты людей. К знакомым подходили, с любопытством рассматривали трофеи, помогали разгрузить и вытащить на берег калданку. С многодневных охот родственников было принято встречать, как и провожать, чтобы помочь нести запасы и добычу. Совсем маленьким я нес сначала какой-нибудь котелок или берестяной туесок, а по возвращении охотников — обязательно утку. Когда поднабрался силенок, естественно, — ружья. Их, как и добычу, носили раньше открыто, не прятали в чехлы и рюкзаки. И вообще к охотникам было нескрываемое уважение в обществе и семьях, как к людям особенным, мужественным, увлеченным, придерживающимся определенных ритуалов, этики и терминов.

Охотничье окружение наложило отпечаток и на мои детские игры и занятия. Первой игрушкой, которую помню, была курковая двухстволка для бумажных пистонов, позже — бескурковая переломка, стреляющая пробками, привязанными на нитках. Затем отец привез мне из командировки настоящую шитую маленькую калданку метра полтора длиной с кормовым веслом — точные уменьшенные копии. «Плавал» на ней, разумеется, во дворе, положив какой-нибудь подходящий скарб — ружье, пару манщиков, ведро или топор. Часть манщиков расставлял на земле и прицеливался в них.

В настоящую лодку меня посадили совсем маленьким, чтобы покатать минуту-другую у берега перед отправлением на охоту. Первый дальний выезд, судя по сохранившейся фотографии, состоялся в 1937 году. Летним воскресеньем отец взял меня и маму на сельхозопытную станцию, где работал директором. Помню темно-бордовую небольшую городовушку, ярко-синюю от легкого ветра воду и бегающих по песчаному берегу куликов. А главное просмотр небольшой сети, когда я впервые увидел, как трепыхались на дне лодки красноперые подъязки, зеленые щуки, радужно-полосатые окуни и большой ерш, угрожающе растопыривший колючие жабры и спинной плавник.

Читать меня бабушка научила рано, в четыре года, и я с удовольствием перелистывал толстые золоченые тома Брема, разбирая по складам названия птиц и зверей. Книги эти дед приносил из учебно-кооперативного комбината — предшественника торгового училища, а происхождение они вели, судя по красивым штампам-наклейкам, из библиотеки Обдорского миссионерского братства святого Гурия. Постоянно заглядывал в свою будущую настольную книгу «Дробовое ружье и стрельба из него» А.С. Бутурлина. С интересом рассматривал номера журнала «Боец-охотник», который выписывал отец. Сейчас он называется просто «Охотник», и я счастлив, что опубликовал в нем не только свои статьи о природе и охоте, но и часть этих записок.

Рисовал тоже что-нибудь природно-охотничье: домик над рекою (по известному стихотворению), ружья, ножи-кинжалы, птиц. Помню, так и не смог изобразить голову орла — все какая-то ворона получалась. А началось с того, что отец, не имевший никаких склонностей к рисованию, постоянно изображал мне на листке бумаги одну и ту же картинку: яйцевидное озеро, кривой дом с трубой и заборчиком, какое-то подобие мостков в воде и плавающий утиный выводок, причем утята были разных размеров. Этот рисунок, мною потом многократно произведенный, крепко запечатлелся в памяти.

Дома, у родственников и знакомых я повидал и держал в руках ружья многих систем и фирм. Одно время у отца был даже редкий по тому времени полуавтомат браунинг, с которым он расстался только из-за отсутствия картонных гильз. Я старался быть рядом при всех ружейных чистках, а начинал с удаления острой палочкой грязи с ребристой поверхности затыльников и обтирания прикладов.

Позже подобной палочкой, но уже с масляной тряпкой стал чистить цевье и колодку. Наружная ржавчина удалялась той же

деревяшкой и затиралась карандашным графитом. Потом доверили мыть стволы в горячей воде с мылом, чтобы снять слой нагара от дымного пороха. Шомпол при этом работал как насос. Затем их нужно было протирать насухо до тех пор, пока на белой тряпочке, намотанной на вишер, не исчезнут следы грязи, и наносить смазку изнутри и снаружи.

Отец всю жизнь любил обильно смазывать ружья (кроме зимних охот), даже когда появились хромированные стволы. А довоенные ружья, особенно импортные, легко подвергались коррозии и нуждались в чистке даже на охоте. Не признавал он и почти хрестоматийных приемов — удалять из стволов смазку перед стрельбой, снимать «освинцовку» металлическим «ершом», — и даже аксаковского совета — выстрелить из ружья перед зимним хранением зарядом дымного пороха. Только сильно загрязненные стволы он чистил промасленной волосяной щеткой с печной золой.

Постепенно я постиг порядок сборки-разборки и названия основных частей. Слова-то какие: «болт Гринера» «эжектор», «экстрактор», «антабка»... Иногда отец давал «щелкнуть», предварительно вложив в стволы стреляные гильзы, чтобы не портить пружины.

С нетерпением ждал тот момент, когда смогу выстрелить понастоящему. «Вот будет рука дотягиваться до спускового крючка, тогда попробуешь», — успокаивал отец. И тут детский ум нашел неожиданное решение: «А у малопульки уже достает!» Старую винтовку «ТОЗ-7» мне изредка давали поиграть, разумеется, без затвора. Она была небольшая, намного легче и изящнее широко известной «ТОЗ-8». Взрослые постоянно стреляли из нее помишеням, развешанным на старом рубленном из толстых бревен хлеве. На нашем громадном, с двух сторон окруженном сараями, конюшнями и складами бывшем дворе купца Чечурова было постоянное место для стрельбы с подстилкой из сена или рогож (по сезону) и ящиком для упора.

Там пяти лет от роду я произвел первый выстрел и сразу по мишени с предварительными подробными разъяснениями, как правильно лечь, затаить дыхание и мягко нажать на спуск. На рисунках показывали, как должна быть расположена мушка по отношению к прицелу (строго в центре прорези и «под обрез» с ее верхней линией) и к мишени (точно под яблочко). Но, увы, урок не впрок, с первого раза даже не попал в молоко — белую часть мишени. Но потом не пропускал почти ни одной стрельбы, и меня иногда стали брать в тир.

Он размещался в центре города, в глубине дворов, между старым зданием милиции и детсадом, граничившими с бывшим Домом

пионеров (угол улиц Ленина и Свердлова). Стрельбище было двадцатипятиметровое, узкое, огороженное с боковых сторон высоким забором из очень толстых, грубо остроганных колотых горбылей, горизонтально вставленных в пазы на столбах. Там мне очень понравилось: обстановка необычная и разговоры. Смотрят стрелки свои мишени и кричат: «...девятка на трех часах», «...восьмерка на двенадцати». Или все с интересом рассматривают первую появившуюся винтовку «ТОЗ-9» с обоймой на пять патронов, — как удобно на морозе, не надо после каждого выстрела голыми пальцами вставлять патроны. Но когда я попросился туда снова, мне ответили, что тир сломали, потому что будет новый, типовой, на строящемся стадионе.

А куда девался старый? Хотя это и не охотничья тема, но поскольку сработало охотничье качество — наблюдательность, — скажу, что через 45 лет на этом месте, по одному почерневшему, но не сгнившему горбылю, я помог тюменскому журналисту Рафаэлю Гольдбергу, писавшему «Расстрельную книгу», правильно определить точное местонахождение помещения для содержания и пыток жертв зловещего тридцать седьмого. Оно было построено заключенными из этих самых горбылей...

Первый выстрел из дробовика я сделал в шестилетнем возрасте с упора на руку отца. А чтобы дотянуться до заднего спускового крючка, пришлось снимать с правого плеча ватник. Попадание в цель было точное. «Центром снаряда», — определил отец по осыпи дроби.

Как хорошо, что суждено мне было в детстве получить достаточно обширную «аудио- и видеоинформацию» об охотничьей жизни. Кое-что познал, кое-что усвоил, что-то отложилось на долгие годы. А впереди было самое главное, долгожданное событие — выход на настоящую охоту. Он состоялся в августе 1939 года. А на осенние охоты 1940—1941 годов отец брал меня, уже школьника, довольно часто.

О весенней охоте в силу ее опасности мне было думать еще рано. Все помнили коварный отзимок 1938 года, когда смерзшимся снегом сковало мелкие речки и протоки. Несколько охотников обморозились, двое погибли, забыв привязать к кустам лодку, которую унесло прибылой водой. Отец со свояком Николаем Яковлевым выехали тогда по закраинам и рубили в тальниках просеку, чтобы утки с полуйской поймы летели по ней прямо к их скрадкам у горы. Это и спасло. По вмороженным в снежное месиво веткам они переползли на коренной берег и пришли домой пешком.

Опасность таилась и в высоком уровне воды. Если уж разгуливался шторм, то волны не встречали преград на многих километрах.

А холод, сидение в снежных ямах-скрадках, ночевки на заснеженных берегах под перевернутой лодкой?!

Впервые побывать на весенней охоте довелось только в начале июня 1942 года. Уже после ледохода и пролета серых уток, когда пойма была почти полностью затоплена водой, отец, его друг и крестник по охоте зубной техник Георгий Кошкаров решили провести воскресенье у салехардской горы, там, где протока Карыч-Могот круто отворачивает от нее к Полую.

В субботу после работы на двух калданках мы поехали туда напрямик по разливу, чтобы не преодолевать по речкам силу встречного течения. Вечер был тихий и слегка пасмурный. Поэтому вода Поляптинского сора казалась серовато-свинцовой, как и сплошные облака над окаймлявшей его слева горой. Дорога заняла часа полтора-два. Лодки шли рядом, и гребцы постоянно перекликались. Георгий Семенович, невысокий, крепкий, молодой мужчина, полный юмора и энергии, постоянно что-то вспоминал, порой подтрунивал над напарником, а тот парировал, и они вместе, уже не помню над чем, смеялись.

Из сора по небольшой промоине протолкались на протоку, и картина сразу изменилась. Правый крутой берег (от нас он был слева) обрывался темно-синими сугробами в воду, казавшуюся зловеще черной в тени высоких темных кустов. Левый, более пологий и открытый, был чуть веселее в свете появившегося над Уралом предзакатного солнца. И тут протока как бы разорвалась. Слева, окаймленный высоким мысом, открылся полукруглый залив.

Описание дороги получилось довольно подробным, потому что я позже множество раз ездил сюда. А вот самую охоту запомнил фрагментарно — отдельными, но яркими картинками-кадрами. Скрадки отца — на высоком мысу напротив просеки — и дяди Гоши — в глубине залива, его коническую палатку с дверью на молнии, костер.

Затем я в скрадке у отца вижу несколько красивых результативных налетов. Забираюсь от холода в свою овчинную малицу и засыпаю. Утром проснулся от почти беспрерывных выстрелов. Смотрю, мужчины вдвоем гоняются за подранком. Утка, как выяснилось, гоголь, медленно всплывает, показав только голову, затем мгновенно, с сильным плеском ныряет, чтобы вынырнуть в неожиданном месте. Девять выстрелов не дали результата.

После чая охотники легли спать, а я сидел один в скрадке, впервые ощутив всю красоту весенней охоты. Потеплело, взошло солнце, окрасив слегка рябую от небольшого ветра воду в синий, искрящийся свет. Совсем рядом, на горе, дерутся красноголовые петухи-куропачи, с крикливым бормотанием поднимаются почти

вертикально в брачном полете. Одна куропатка, совершенно белая, несколько раз пролетает невдалеке.

Высоко в небе делает крутые «горки» и пикирует к земле бекас-барашек. Его вибрирующие перья издают звук, похожий на блеяние овцы. Отец о нем мне рассказывал и показывал убитого, но таковой полет наблюдаю впервые. Над поймой с криком и шумом носятся свадьбы местных речных уток: шилохвостей, свиязей, чирков. Слышатся страстные крики селезней: «крын-крын», «сви-у, сви-у», «тринь-тринь», и громкое кряканье самок. На противоположном берегу турнир разноцветных петушков-турухтанов.

Вдруг слышу резкий свист крыльев «си-си-си», шлепки по воде, и рядом с манщиками сидит настороженная стайка гоголей. Четыре бело-пестрых селезня с зелеными головами и темно-бурая уточка. Хочу рассмотреть получше, забыв о стоящем рядом ружье, но они мгновенно срываются, как бы разбегаясь по воде, с таким же звонким свистом.

Над кустами взвивается дымок. Меня зовут на обед. Пока варились утки, мне дали пострелять из мелкокалиберной винтовки по консервным банкам, развешанным на кустах в сторону горы, где в то время никто не ходил. Я клал «тозовку» на упор и стрелял почти без промаха. Сами мужчины легко попадали в донца папковых гильз.

В это время к нам подъехали возвращавшиеся с охоты братья Лущики. Старший, Николай, — на калданке, младший — на какой-то долбленке таежного типа с длинным двухлопастным веслом. Откуда ни возьмись, над манщиками Георгия сыграла стайка хохлатых чернетей и пошла на второй заход. Младший Лущик привстал, сделал дуплет, и верткая лодка, накренившись, зачерпнула воду, хорошо, что у самого берега. «Купальщика» согрели спиртом и утиным супом. Пока сидели у костра, снимали манщики и лагерь, его одежда подсохла, и все кавалькадой поехали домой уже по Карыч-Моготу и Полую, пользуясь быстрым течением.

Осенью 1942 года отец ушел на фронт, подарив мне на прощание ружье «Зауэр-Аист», из которого я уже добыл к тому времени первый трофей — кулика-турухтана, и оставил в полное распоряжение лодку-калданку. На ней я довольно ловко стал ездить, но не без труда. Для более сильного гребка ручки весел сантиметров на двадцать заходили друг за друга. Их надо было держать одну над другой. Пока научился, долго до крови царапал левую руку ногтями правой. На верткой калданке надо уметь не только грести, но и делать развороты, чтобы подобрать утку или поставить манщик. А самое главное — держать равновесие, правильно передвигаться, садиться и выходить, иначе окажешься в воде.

Ружьем я, конечно, владел номинально, и предметом моей весенней охоты в 1943 году стали полярные воробьи-пуночки, которых ловил силками-пленками, сплетенными из волос лошадиного хвоста. В течение многих десятилетий, а может быть, и столетий на Севере они считались дичью и уничтожались в огромных количествах не только для еды, но и на продажу. Помню, в раннем детстве мама привезла из командировки решето мороженых пуночек, купленных по дороге.

На них, можно сказать, велась настоящая охота. Особенно ждали весеннего прилета, когда куропаток уже не добывали, а водоплавающих птиц еще долго ждать. На льду реки у Салехарда ребята заранее раскладывали привезенные на нарточках кучки коровьего навоза, рассыпали золу, чтобы ускорить проявление проталин. Конский навоз с вкраплениями овса растаивали, размельчали и применяли в виде приманки. Приближенные к конюхам могли бросить и горсть зерна.

Петельки-пленки привязывали к длинным ниткам и зигзагами укрепляли на снегу колышками или большими гвоздями. Умельцы делали пленки на досках при помощи шила и деревянных шпилек. Некоторые устанавливали на кольях сети или просто ящик на палочку, от которой шла длинная веревка. Собралось у сети или под ящиком несколько птичек, — дерг, и все накрыты. Для укрытия или наблюдения рядом ставились скрадки из снежных глыб с оконцами. Кое-кто постреливал пуночек из ружей и мелкокалиберных винтовок.

Сейчас, слава Богу, запрещена не только добыча, но и ловля пуночек для содержания в клетках. И пусть их весеннее появление еще долгие годы радует и волнует северян.

А пока я лишь завидовал старшим ребятам, которые из чего только не стреляли. Мой сосед Володя Протопопов имел старинную одностволку-централку. У нее были мощный боковой курок и нижний кривой рычаг для отпирания-запирания ствола. У маленького ростом Миши Мамеева был короткий кустарно рассверленный под 32-й калибр кавалерийский карабин, у Володи Падерина — солидная двухстволка 10-го калибра с грубо покрашенными в зеленый цвет стволами, у братьев Бояркиных — одностволка с укороченными для детей стволом и прикладом.

И тут нам с одноклассником Володей Першиным удалось недели две (пока не отобрали взрослые) поохотиться на пуночек из найденной на чердаке допотопной пистонки с почти метровым стволом и очень коротким прикладом, переходящим в длинное цевье. Скрепляющими элементами ложи были металлический затыльник-угольник и мощная спусковая скоба. Ее длинная зад-

няя часть проходила через всю шейку и имела два удобных углубления для среднего и безымянного пальцев, на более широкой и короткой передней части были выбиты маленькая пятиконечная звездочка и латинская буква «G». Сама скоба в нижней части расширялась как лепесток, словно страхуя широкий, но прямой спусковой крючок.

Заряжалась она через ствол. Сначала сыпали мерку пороха, затем загоняли шомполом пыж из газеты, после — эрзац-дробь и снова запыживали. На запальную трубку подсыпали немного пороху (затравка) и надевали узкий и более длинный, чем у централок, капсюль. Курок был толстый, причудливо изогнутый, с углублением на ударной части. Перед ним, на замочной доске, была выбита буква «F». К сожалению, гравированное название фирмы или фамилия мастера частично стерлись. Явно проступали два слова — «de Rurin», которые мы списали и показали учительнице немецкого языка. «Судя по частице «de», — сказала она, — ружье, наверное, французское».

Шомполки приходилось видеть самые разные — мелкокалиберные, беличьи («зырянки»), заряжавшиеся одной дробинкой; и огромные фузеи-гусятницы с граненым стволом калибра современной ракетницы; шикарные двухстволки с укрепленным под стволами шомполом, с ложей из дорогих пород дерева. Ружья пистонного боя долго водились у северных охотников.

Моя лодка хранилась во дворе местного старожила Климентия Петровича Торлопова, известного в городе рыбака. С его младшим сыном Левой, который был старше меня на три года, я подружился и много лет вместе охотился и рыбачил. С ним-то и довелось мне совершить единственный выезд на охоту весной 1943 года. В самом конце сезона мы днем поехали на ближайшее к городу охотничье угодье Кысканы в надежде пострелять куликовтурухтанов.

В то время это был большой залив поймы, изрезанной многочисленными мысами в обрамлении густых низких ивняков. Здесь водоплавающие птицы весной и осенью спрямляли свой путь между Полуем и Обью. Они и сейчас летят там, только очень высоко. А раньше на пойменных мысах и выше, по горным ручьям и озерам, стояли капитальные станки-засидки на гусей, а многие горожане охотились на уток.

Название места произошло от хантыйского слова «каскан» («перевес») — старинная запрещенная в 20-30-х годах ловушка для дичи. Они были двух видов — с сетью, падающей сверху при подлете уток (в лесу) или, наоборот, поднимаемой с земли (в пойме). Непременной принадлежностью их являлись два длинных столба-

жерди с блоками. Под Обдорском перевесы ставили еще в незапамятные времена, когда росли высокие кусты, в которых делали специальные просеки. А. Брем, увидев в 1876 году, что в перевесы попадают не только утки, но гуси и лебеди, назвал их «предательской сетью».

В той поездке я добыл первый весенний трофей, подстрелил из Левиной ижевской одностволки 24-го калибра огромную сизобелую чайку-халея. Этих птиц тогда безжалостно истребляли рыбаки за то, что пернатые разбойники расклевывали попавшую в сети рыбу. С учетом военного времени у нас была другая цель. Чайку ободрали, зажарили на костре и с аппетитом съели без хлеба, имея в запасе только соль.

Но главное — это новая встреча со знакомыми местами, встреча с царством воды, разлившейся на многие километры, с царством птиц, прилетевших на Север из дальних краев, с проснувшимися от долгого зимнего сна растениями и долгожданная возможность подержать в руках заряженное ружье и почувствовать себя настоящим охотником.

В преддверии следующей весны произошло потрясающее событие, во многом поднявшее мой охотничий дух и стрелковую подготовку. В феврале 1944 года неожиданно на несколько дней приехал с фронта отец, как раз на День Красной Армии. На торжественном заседании его пригласили в президиум, объявив, что в зале находится фронтовик, капитан-орденоносец Патрикеев. Не могу передать все свои чувства, когда под аплодисменты он шел на сцену в перетянутой ремнем и портупеей гимнастерке, с полевым планшетом и пистолетом «ТТ».

Этот пистолет доставил, наверное, самую главную радость от приезда отца, хотя для меня у него был персональный и бесценный по тем временам подарок — немецкий наручный компас. Его светящийся, с подробной градуировкой циферблат имел вращающееся кольцо с визиром, а внутрь для смягчения магнитных помех был залит спирт. Точный и красивый прибор привлекал одним своим видом. Мы с друзьями брали его на все зимние и летние прогулки, позже научились ходить по азимуту.

Но компас я со временем передал младшим братьям и забыл, а вот у «ТТ» помню даже номер — ЛА-555. Еще бы, отец показал мне узелок автоматных патронов, сделанный из носового платка как стимул для овладения материальной частью. Разобрал пистолет, назвал основные части, объяснил их взаимодействие. После совместной чистки «ТТ» (без обоймы) был на вечер отдан мне вместе с кобурой, которую я прицепил на ремень.

Наутро последовала команда:

— Идем за Полуй, теорию нужно подтверждать практикой.

Почти весь боезапас я выстрелял по торцу огромного сухого бревна, торчащего из дровяного штабеля. Раньше мне приходилось стрелять из спортивного однозарядного мелкокалиберного пистолета-переломки, но с упора. А здесь самозарядное полуавтоматическое оружие, с отходящей назад рамкой. Попробуй опереться на левую руку — того и гляди получишь удар в нос. Сделав несколько выстрелов одной (дрожащей) рукой, я отдохнул и начал палить двумя руками, выпуская сразу по обойме. Попаданий почти не было. Зато отец показал класс, выбив на доске неровную, правда, букву «П» и рядом точку.

Из его рассказов я узнал, что в прифронтовой зоне много дичи, иногда есть возможность и даже необходимость поохотиться. С собой он увез ружье «Зимсон» и мелкокалиберную винтовку «ТОЗ-9» — подарок фронтовикам от Георгия Семеновича Кошкарова.

До самой весны жил под впечатлением этого счастливого случая и, как никогда, ждал прилета пуночек, потому что бабушка по матери обещала дать оставшееся от рано умершего деда ружье. В тот год стаи пуночек были необыкновенно большие. Когда они опускались на потемневший снег, казалось, пролетал настоящий снежный заряд. Охота была очень удачной — за несколько выстрелов взял более двадцати штук. Я и сейчас помню суп, который сварили из них. Жирные маленькие тушки плавали в кастрюле как пельмени. Но дробь вскоре кончилась, а когда баба Паша заметила, что я засыпаю в патроны смесь мелких гаек и болтов, дорогое бельгийское ружье было конфисковано.

С этим временем связаны и первые пиротехнические опыты. В семьях, где порох лежал открыто, дети частенько использовали его в недозволенных целях. В ходу были пистолеты-самопалы со стволами из заклепанных с одного конца медных трубок. Они набивались порохом и рубленой проволокой, а к поперечному распилу в «казенной части» привязывались спички. Коробком их поджигали, целились и ждали выстрела. К несчастью, иногда стволы разрывало и стрелки получали ранения.

Еще опаснее были так называемые «гранаты». Металлическую ружейную гильзу начиняли порохом, заклепывали верх, а у донца делали такой же пропил, но уже привязывали больше спичек, чтобы их постепенное загорание дало возможность «адской машинке» отлететь на безопасное расстояние — метров на двадцать-тридцать — и взорваться в воздухе. Тут неудачники в лучшем случае отделывались долго неисчезающими синими точками — следами

от пороха на лице и руках (в том числе автор этих строк), а иные лишались и пальцев, если снаряд взрывался близко.

Как не вспомнить народную мудрость: с огнем шутки плохи, но у меня в связи с одной трагикомической ситуацией всегда рядом другая поговорка — и на старуху бывает проруха. Одинокая бабушка-соседка, видя, что мы с ребятами стреляем из самопалов-«поджигов» по пуночкам, предложила нам немного пороха. Но за встречную услугу — изготовить из полена «мину», чтобы отпугнуть воров, растаскивающих ее скудный запас дров.

Трудно сейчас морально оценить наш и ее поступок, но мы коловоротом высверлили в дереве дыру, засыпали заряд пороха и заткнули стружкой. «Много не кладите, — приговаривала «заказчица», — а то печку разнесет». И оказалась права — не разнесло.

Полено по ошибке попало в свою печь. Раздался легкий взрыв, в открывшуюся дверцу полетели угли, сажа, зола и облако сизого вонючего дыма. Бабку, видимо, наказал сам Бог, а нам остается только раскаиваться...

И опять весна с недоступной без отца охотой. Леву тоже одного не отпускали, но выручил его брат Валентин, вернувшийся с фронта по ранению.

— Ну-ка, охотники, прокатите меня до Кысканов — так соскучился по родным местам, сердце болит больше, чем подбитая рука.

Был теплый июньский день. Чистое светлое небо, спокойная зеркальная вода, зеленые с золотом пойменные берега от пробивающейся листвы тальника, первых травинок и распустившихся желтых цветов калужницы. В кустах — птичий гвалт, в вышине — стайки летящих на север уток.

Лева, не торопясь, греб, я примостился у него в ногах. А раненый солдат, которому еще не было и двадцати, полулежа на корме, прижимал здоровой правой рукой к боку кормовое весло и пел в полный голос.

Таким он, рано ушедший из жизни, и запомнился мне. В хлопчатобумажной выцветшей гимнастерке и таких же галифе, заправленных в хромовые гражданские сапоги. Левая рука на черной перевязи, буйная темная шевелюра над узким болезненным лицом. И одна из многих, наиболее сокровенно прозвучавшая песня:

Эх, расскажи, расскажи, бродяга,

Чей ты родом, откуда ты?

С одной одностволкой, без манщиков мы просидели вечер в открытом срубе сергеевского гусиного станка, созерцая весеннее оживление в птичьем мире. Добычей стали несколько турухтанов и какой-то неосторожный белолобый гусь, сбитый Левой.

Я был так доволен нежданной поездкой, что даже и не думал, что снова доведется поохотиться да еще... с отцом. Прошло несколько дней, и когда я с утра разматывал во дворе закидушки для лова ершей, бабушка через открытое окно увидела небольшой серебристый самолет, делавший над городом круг на невиданной тогда скорости. Примерно через час в воротах появился отец в сопровождении седого пехотного майора и молодого морского летчика, капитан-лейтенанта в щегольской черной форме. После обеда офицеры уехали на полуглиссере в гидропорт, предупредив, что прилетят дня через три. А мне было указано срочно собираться на охоту.

С какой радостью я чистил ружье и мелкокалиберную винтовку, собирал патроны, а потом облачился в здоровенные бродни. Отец даже не стал переодеваться — поехал в пилотке и сером плаще с зелеными полевыми погонами. Недалеко от города он сбил пролетавшую над рекой чернозобую гагару, а вечером на сору удалось подкараулить селезня хохлатой чернети.

Приезд стал вдвойне неожиданным и радостным, так как после зимнего отпуска мы не получали от него никаких вестей, кроме одного «радиопривета». Были такие передачи, где говорилось: военнослужащий такой-то сообщает семье, что он жив, здоров и так далее. К сожалению, мама была в командировке и подъехала только через два дня, почти не успев повидаться с мужем. В это время отец решал какие-то свои дела. Совершили мы с ним и два загородных выхода. В аэропорту он разговаривал по рации с экипажем, а на опытной станции осмотрел теплицы и посевы, встретился с бывшими сослуживцами.

Во время прогулок мне снова посчастливилось пострелять из пистолета. На этот раз отец привез, кроме обычных, патроны с бронебойными пулями, отмеченными черной краской; зажигательными — с красной меткой и трассирующими — с зеленой. Бронебойной я пробил какую-то железяку от брошенной лебедки, зажигательной подпалил старый сухой винный ящик, а эффект трассирующей, хотя и помешала воочию увидеть белая ночь, был знаком по военным фильмам и фронтовой кинохронике.

Более результативной, чем зимой, стала стрельба в цель обычными патронами. В небольшом овражке отец достал из планшета мягкий красный карандаш и нарисовал на телеграфном столбе овал диаметром сантиметров пятнадцать с жирной точкой в середине. Пистолет посоветовал подводить снизу к центру мишени. Я стрелял одной рукой и сделал три попадания из восьми выстрелов с расстояния пяти-шести шагов.

В этот приезд отец более подробно и даже живописно рассказывал о птицах и зверях, встречавшихся в прифронтовой полосе, об особенностях их поведения. Например, зайцы, белки, мышевидные грызуны, хищные и воробьиные птицы стали меньше бояться людей. Однажды отец ехал на лодке с разведчиками по небольшой речке. При объезде затопленных кустарников на травянистой отмели услышали шум. Все насторожились и взяли автоматы на изготовку. Из кустов выплыла выдра и села на кочку. Усатый седой зверь спокойно чесался и умывался, не обращая внимания на вооруженных солдат.

Особенно ярко врезались в память рассказы о редких охотничьих вылазках, ставших возможными благодаря увезенному из дома оружию. Возвратившись из отпуска, отец нашел свою часть в одной из деревушек у озера Лосьвида бывшей Калининской области. Под окнами штабной избушки, в двухстах-трехстах метрах, начинался березовый лес. По кромке его часто мелькали силуэты мышкующих лисиц.

На первую охоту вышли вдвоем с командиром отдельного батальона подполковником Данилевичем. Он с винтовкой, отец с ружьем. Оба на лыжах и в маскировочных халатах. Вскоре заметили, что одна лиса спустилась в русло глубокой овражистой речки. Быстро двинулись наперерез, подошли вплотную к обрыву и затаились.

Лиса появилась метрах в двадцати и, почуяв недоброе, выпрытнула на противоположный берег. Остановилась, оглянулась, и тут щелкнул выстрел мелкокалиберки. Зверь, а это оказался старый оранжево-желтый лисовин без клыков, распластался на снегу. Его роскошную шкуру подарили дочери квартирной хозяйки офицеров в расчете на ее предстоящую свадьбу.

Потом часть получила приказ оборонять в районе одноименной с озером реки небольшой остров-бугор с вековым сосновым бором, расположенный среди громадного болота. Напротив стоял немецкий укрепленный район. А расположение батальона хотя и находилось под носом у немцев, было недоступно и явилось опорной базой полковой, дивизионной и армейской разведок.

Сама часть оказалась почти оторванной от тылов на два месяца. Боеприпасов было достаточно, но продукты закончились. Солдаты собирали прошлогоднюю клюкву и с риском для жизни ползали под огнем к вытаявшим трупам лошадей за мясом. А над ними летели на север журавли, гуси, утки. На рассвете недалеко токовали тетерева, в утреннем весеннем небе совершали брачные полеты бекасы-барашки.

Сразу после заката начиналась тяга вальдшнепов. Лесные кулики вылетали на болото, над редкими кустиками подлетали к небольшому, поросшему ивняком островку, где сидел форпост. Облетев его, возвращались к лесу и тянули над вершинами сосен, просеками и вырубками около землянки бойцов. Не раз, будучи в расположении форпоста, отец видел и слышал вальдшнепов совсем близко.

Выполнив задачу, батальон встал на переформирование недалеко от озера Торопец. Здесь состоялись утиные охоты, которые могли стать последними для их вышеназванных участников. На утлом дощанике они поехали вечером вдоль озерного залива. Едва успели собрать выбитых из налетевшей стайки четырех чирков, как, сориентировавшись по ярким вспышкам-снопам от дымного пороха, их нащупал прожектором вражеский самолет и дал очередь. Несколько пуль попало в нос лодки, и хорошо, что выше ватерлинии. Самолет пошел на второй заход, но, к счастью, был отогнан огнем зениток.

Пополнение задерживалось, и охотники трижды ходили на озеро и столько же раз встречались с кряковым селезнем, который свечой поднимался из камышей и, словно заколдованный, улетал после дуплетов. Только на третий раз командир красиво снял его в конце вертикального взлета. Но удачный выстрел опять был омрачен смертельной опасностью. Только вышли на большак, как немецкий самолет начал методичный обстрел дороги. Почти два часа пришлось пролежать в сырой канаве...

Ровно через полвека по заказу журнала «Охотник» я подготовил эти и другие миниатюры для рубрики «Охота на войне» к 50-летию Победы, так и назвав их «Фронтовые рассказы отца»...

А тогда также неожиданно прилетел самолет, как оказалось, американский «бостон». Гагару торжественно съели под псевдонимом «гусь», и все рассеялось, словно мираж. Реальностью было разрешение отца охотиться со своим ружьем, но под присмотром старших. Осенью, охотясь с Левой, я добыл более десятка нырков, взрослых, линяющих, и утят на взлете. Стрелял самодельной дробью, изготовленной из найденного свинца. Зимой стал постепенно готовить «самокатку» к первой самостоятельной весенней охоте. Много возни было с пролежавшими три года без употребления манщиками. Пришлось научиться делать из мела и олифы густую замазку для шпаклевки трещин, подклеивать отпавшие головы. Черной и белой краской полностью раскрасил нырков, а шилохвостям и свиязям только подновил носы и глаза, так как остальная раскраска была очень сложной...

Вапреле 1945 года после второй тяжелой контузии вернулся с фронта отец. Мой восторженный рапорт о количестве трофеев он встретил одобрительно, но с легкой иронией, так как явно не мечтал, что сын откроет первое поле стрельбой нелетающих уток. Зато сообщение о собственном способе изготовления дроби вызвало неожиданно настороженный интерес. «Молодец, кормилец! Но неужели на полтора десятка хлопунцов выпулял всю дробь, если свинец рубить начал? Это же патронташ на утенка!» Я сделал удивленное лицо, а дед спрятал в усах хитрую улыбку. Отец понял, взял стул, поставил на него что-то еще, запустил руку в углубление круглой «голландской» печки у самого потолка и вытащил... покрытый толстым слоем пыли, обляпанный известкой десятикилограммовый мешок дроби.

Началась экстренная подготовка к весенней охоте. По конвейерному способу снарядили около трехсот патронов, набили все патронташи и два чемодана-контейнера.

Весна задерживалась. На День Победы, 9 мая выпал густой, мягкий, чуть влажный снег. Многие охотники вышли на митинг к Дому ненца (напротив каменной церкви) с ружьями и в разнобой палили вверх. На другой день началось потепление, и я самостоятельно стал готовить к охоте калданку. Отдавая дань моде и в ущерб маскировке, лопасти и нижнюю часть весел покрыл ярким суриком. Уж очень красиво смотрелись они издали, как своеобразные проблесковые маячки при плавном движении лодки по тихой воде.

Первый выход оказался пешим. Старик Сергеев предложил отцу на пару дней свой гусиный станок, и он в субботу 18 мая буквально убежал после работы в Кысканы. Наутро по песчаному берегу Поляпты устремился туда и я. Вода еще не разлилась, и несколько охотников построили скрадки прямо у речки, начиная от сельхозстанции.

Трофеев почти ни у кого не было, так как гусь в основном прошел, а массовый пролет уток еще не начинался. Из перелетных птиц встречались бегающие у воды трясогузки. Изредка проходили лебединые стаи. В одиночку пролетали ястребы и соколы. В восходящих потоках воздуха парили пестрокрылые канюки-мышеловы и чайки. День обещал быть теплым, ясным и тихим.

На мысу между протокой и Кысканским заливом я заметил одноклассника Гену Михайлова с отцом, бухгалтером потребсоюза и весьма интеллигентным охотником. Они рассматривали какуюто белую птицу размером с крупного гуся. Так мне довелось в первый и последний раз близко увидеть и подержать в руках ныне

краснокнижного малого, или тундряного, лебедя (местное название — обской). Он показался почти вдвое меньше хорошо знакомого кликуна. Михайлов-старший наглядно объяснил нам, что отличие этих птиц не только в величине, но и в окраске клюва. У малого желтое пятно на клюве меньше и граница между черным и желтым прямая. Голос его звонче, с металлом, шея (относительно) короче.

Обогащенный новыми знаниями, я круто свернул налево и пошел вверх по крайнему ручью. Вскоре поравнялся с центральным сергеевским мысом, поросшим невысокой, блеклой, желтоватокоричневой травой. Станок почти незаметен — небольшое, пологое, такое же травянистое возвышение, увенчанное разноцветным чучелом краснозобой казарки. Вокруг еще штук двадцать искусно сделанных гусей, в основном серых, гуменников и белолобых.

Так как ручей смог перебрести почти в вершине, к станку подошел с тыла. С другой стороны длинный мыс обмывал еще один более узкий ручей, подпруженный небольшой земляной регулируемой плотиной. В разливчике плавали десятка полтора таких же перовых утиных манщиков и два лебедя-кликуна, возвышавшиеся своими прямыми шеями как монументы.

По конфигурации место напоминало штаны, хотя название пошло от ловушки-перевеса — «каскан». А штаны по-хантыйски «кась». И сейчас я думаю, может быть, в этом корень названия. Припоминаю некоторые известные мне места, где ставились перевесы, и около Оби, и в низовьях Иртыша. Там всегда вдоль мысов расходились ручьи или ручей и горловина сора, ручей и прогал к протоке. Около них-то и рубились просеки для установки сетей. Многие уже заросли, но я находил их по старым длинным жердям. Не раздумывая, ставил на линии полета скрадки, и утки, как намагниченные, снижались и шли словно в трубу.

На месте знакомого полузатопленного сруба вижу до тонкостей продуманное сооружение, настоящий дзот. Это слово постоянно было на слуху у мальчишек военных лет — долговременная земляная огневая точка. Но вместо наката из бревен сверху поставлен уже известный читателям выгнутый четырехугольный каркас из веток толщиной три-четыре сантиметра. На нем проолифенный брезент и ровно уложенный тонкий дерн, обтянутый старой сетью. Дверь-люк на задней стенке крыши покрыта покрашенным под общий цвет брезентом. На трех других сторонах было видно по несколько бойниц, заткнутых пробками из сена.

Внутри мне открылась уютная, хотя и низенькая, для передвижения только на коленях, мини-избушка. Сухие стены из отесанных нетолстых двухметровых бревен, ровный пол из колотых

плах, застеленный малицами. Слева от входа — посуда и припасы. Справа под деревянной крышкой — небольшое, на размер ведра, отверстие в дренажную яму для откачки прибывающей воды. Рядом примус с чайником и кастрюлей. Такой «комплекс удобств» позволял гусятникам жить в станках неделями, не страшась никаких отзимков. Говорят, что некоторые ухитрялись делать там бражку, ускоряя процесс перекатыванием ведерного бочонка по полу.

После войны, кроме сергеевского, в Кысканах оставался только станок Ивана Петровича Морозова, в тот день также занятый другим охотником. Отец ходил к нему покурить, и я убедился в идентичности этих рациональных, но, увы, последних в окрестностях Салехарда конструкций. Сохранялся и еще один вид гусиного скрадка — вкопанная на одном из ключевых мысов большая деревянная бочка. В следующие годы из-за послевоенного наплыва народа на гусей их уже не использовали, так как пальба велась «из-под каждого куста».

Непосредственное знакомство с теперь уже реликтовыми засидками стало главным событием той охоты. В связи с резкой прибылью воды отец не оставил меня на вечернюю зорьку. И, как оказалось, не напрасно. В вершине питающие заливы ручьи бурлили, и, выбираясь на идущую горой старинную «кысканную» дорогу, я уже рисковал начерпать полные бродни. Рано утром появился отец, так ни разу и не выстрелив. Только с поднятием льда он уехал по заберегам сразу на несколько дней и отвел стосковавшуюся об охоте душу.

В начале июня вечером мы вместе поехали на зорьку к слиянию Щеголя и Кривого Мохтылево. Место было пролетное на старице между протоками. Выгрузив основной скарб, стали расставлять манщики. Я сидел на веслах, поворачивая и останавливая лодку по указаниям отца. Этот процесс обернулся для меня целой наукой. Сначала метрах в сорока выставили крупного черного селезня синьги с красной шишкой на клюве, так называемого «заводного», видного издали. Чуть ближе, но как бы с боков опустили две пары морских чернетей и пару красноголовых нырков. Затем, двигаясь к берегу, с одной стороны поставили три пары хохлатых чернетей, с другой — две пары гоголей и похожего на них пестротой лутка.

Вся стая образовала треугольник с чуть смещенным основанием, которым служило десятка полтора серых уток, поставленных в залив с торчащими из воды травинками. Манщики были хорошо заметны со всех сторон, а пространство в середине было удобно для посадки подлетающих уток. Казалось бы, ничего сложного, но ведь до сих пор многие не придают этому никакого значе-

ния и «выкидывают» манщики в беспорядочную кучу или одну линию вдоль берега. Даже термин укоренился — «выбрасывать» чучела.

Устройство скрадка оказалось тоже непростым делом. Мы нарубили несколько охапок полутораметровых таловых веток толщиной в полтора-два сантиметра и несколько штук потолще, две из которых отец поставил, обозначив вход, две — впереди, чтобы опереть потом на них ружья. Остальные почти впритык расставили по круглому периметру. Затем все развилки и промежутки между ветками были плотно заполнены и местами переплетены жгутами сена, собранного на старых остожьях. Ветки по верху аккуратно надломили, все торчащие прутики срезали, чтобы не мешали прицеливанию.

Во время строительства засидки издали заметили летящую на нас черную «нитку» синьги. После выстрела один селезень с перебитым в середине крылом упал почти рядом со мной и был быстро схвачен.

— Вот и живой манщик, — сказал отец и привязал к лапке утки толстую нитку, а вместо груза пустую бутылку.

Пущенный на воду, селезень сначала рвался, но потом успо-коился и только после выстрелов обязательно нырял.

В связи с этим я услышал типичный охотничий анекдот. Моего деда, крепко заснувшего днем прямо в скрадке, кое-как растолкали зятья: «Кириллыч, у тебя же куча уток сидит, бей быстрее!» Дед протер глаза, увидел среди манщиков четыре синьги, подождал, пока сплывутся, и взял всех на один выстрел. «Вот как надо!» — гордо воскликнул он и поехал за добычей. Поднял одного, а на шнуре... потянулись остальные, и в завершение из воды показался любимый дедов топор. Не трудно догадаться, какова была реакция.

Наконец мы устроились... Отец в те годы любил стрелять, стоя на сенной подстилке на коленях, чему способствовали и мягкие кожаные бродни. Я сидел рядом на опрокинутом ведре и слушал правила поведения в скрадке: при подлете уток не шевелись и не высовывай голову; когда сядут, определи сквозь ветки скрадка место; выставь сначала стволы и постепенно поднимайся, одновременно и постепенно прицеливаясь; стреляй селезня, который плавает подальше от самки. И, несмотря на мою стрелковую практику, уточнил: сидящей утке целься в голову, плывущей — в кончик клюва. Ну и, конечно, преподал правила обращения с ружьем: курки взводить перед выстрелом, следить, чтобы ружье прочно стояло и чтобы в спусковую скобу не попала какая-нибудь ветка.

Вечерний лет еще не начался, и я встал посмотреть красивый в вечернем солнце разлив. У берега плескались водяные полевки, темно-бурые толстушки со светлыми круглыми пятнышками на загривках. Этих зверьков величиной чуть меньше крысы тысячами заготавливали на шкурки под названием «летняя пушнина». А в природе они были отличной кормовой базой хищных зверей и птиц.

Вот и сейчас одна «водяная крыса», как их звали местные жители, выбралась в травяные кочки и зашуршала. Тут же я услышал другой, легкий шорох. Совсем рядом со скрадком, как маленькая коричневатая змейка, ползет горностай. В его изящной фигуре, хищном блеске глаз и грация, и решительность, и отчаянность, и смелость. Хитрый охотник пересекает полевке путь к воде и затаивается.

Я хочу получше рассмотреть, что же делает полевка, и задеваю ведро. Она бросается к спасительной воде, но горностай в два прыжка настигает ее и впивается в шею. Борьба была недолгой, через секунды он уже тащил добычу к норе, расположенной под гнилой тальниковой корягой.

— И жертва исчезла в чертогах злодея, — качаловским голосом прокомментировал отец финал обычной природной трагедии.

Раздался сильный шлепок по воде. Я вижу большого зеленоголового, сероспинного, белобокого селезня морской чернети, плывущего к своим деревянным собратьям. Имея опыт стрельбы с верткой лодки, добыть эту утку с твердой земли и упора на скрадок мне не составило никакого труда. Я съездил за ней, лихо развернув калданку и с ходу подхватив добычу.

Продемонстрировал и еще один полученный без отца навык. Когда он сбил на дуплет пару хохлатых чернетей, один селезень сразу нырнул.

— Этот уйдет, — говорил отец, перезаряжая ружье.

Но недаром же я гонялся за ныряющими утками целую осень. Не успел подранок показать свою сине-фиолетовую голову с косичкой, как прозвучал выстрел.

— Хорошо, — похвалил отец. — Как только утки сядут, встань и попробуй стрелять влет. Если будут взлетать от тебя, бери чуть выше, если боком — целься вперед на четверть (сантиметров двадцать пять), но ружье не останавливай. Если не успеешь выцелить, лучше не стреляй.

К сожалению, подсадов больше не было. Отец сбил еще несколько птиц, объясняя мне каждый раз особенности прицеливания в зависимости от высоты и угла полета. До полуночи не дождавшись обычного в это время лёта чирков, мы поехали домой. Стояла белая ночь на стыке вечерней и утренней зорь. Солнце, словно сказочный колобок, сидело на сине-белых горах Полярного Урала. Белые облака на юго-востоке, как огромные зеркала бросали вниз его лучи. Узкие гривы со светящейся желтой травой, затопленные местами кусты ивняка четко отражались в нежно-розовой воде и, окаймленные узкой золотистой полоской, как бы висели в воздухе.

А вот живая стереоскопичная скульптура. На маленькой круглой кочке-островке, в золоте перьев и блеска воды дремал рыжий турухтан с сине-зеленым воротником. Таким же ярким и выпуклым казалось его отражение в воде. Все вместе это напоминало красочную игральную карту, где кулик мог быть одновременно и королем — за петушиную важность, и валетом — за стройность и красоту.

Всего два выезда, а сколько впечатлений: живая история охоты, незабываемые картинки природы, наглядные уроки отца.

Весной 1946 года поохотиться с отцом не удалось. Он уезжал куда-то далеко и надолго, а вернувшись, сразу отправился в командировку.

Первый выезд был у нас с Левой Торлоповым в Кысканы. Ночь мы промерзли в срубе окончательно заброшенного сергеевского станка. Хорошо летали только чирки, и друг сбил штук шесть, а я даже не пытался стрелять по этим стремительным уткам. Зато когда к чучелам подсела синьга, тут уж была моя очередь и мой трофей.

Следующий выезд, в июне, был для меня полностью самостоятельным, и я выступал уже организатором охоты, пригласив нового друга Владлена Игловикова, для которого весенняя поездка была первой. В затопленных кустах построили скрадок-загородку для калданки, поставили по всем правилам манщики и, просидев почти целый день, добыли двух белокрылых (обыкновенных) турпанов, двух гоголей и двух хохлатых чернетей. Окрыленные успехом, через несколько дней еще раз посетили вечером то место, но добычей стал только один беспечно подсевший к манщикам чирок.

Интересна судьба моих друзей, теперь уже покойных. Лев Климентьевич Торлопов до последних дней своей жизни проработал на электростанции, заслужив звание почетного гражданина Салехарда и высшую награду страны — орден Ленина. Заслуженный деятель науки России, профессор-доктор Владлен Григорьевич Игловиков стал ученым-аграрником с мировым именем.

Поскольку затронул печальную тему, расскажу о двух охотничьих трагедиях, случившихся той весной. Под калданкой, в которой возвращались с охоты Георгий Семенович Кошкаров с

напарником, всплыла оторвавшаяся от дна льдина-осинец. Лодка перевернулась недалеко от берега. Напарник легко выплыл, а у Георгия Семеновича отказало сердце — он умер, оказавшись в холодной воде. В Кысканах нечаянно застрелился старый опытный охотник из клана местных старожилов Булыгиных. Он потянул за стволы ружье со взведенными курками, а между спусковыми крючками оказалась небольшая веточка из ограждения скрадка, «сделавшая» роковой выстрел.

В последнем случае была нарушена одна из главных охотничьих заповедей — нельзя направлять стволы даже незаряженного ружья в сторону людей и на себя. Что касается опасности осенцов, то весной на лодках всегда старались ездить подальше от берегов, где могли оказаться примерзшие ко дну льдины...

В течение почти всего весеннего охотничьего сезона 1947 года пришлось сдавать одиннадцать (!) тогда донельзя заформализованных выпускных экзаменов за седьмой класс. Бесспорное чувство приоритета охоты над учебой, прочно сидевшее во мне с первого класса, привело к резкому снижению школьной успеваемости, порождая моральные издержки и лишние переживания. Хорошо, что отец смотрел на это сквозь пальцы. С годами я оценил его правоту и с таким же уважением относился к увлечению своего сына, который начал охотиться еще в более раннем возрасте.

Тогда, помню, на первом экзамене был диктант (грамоты за два дня подготовки все равно не прибавится). Последний школьный звонок стал сигналом к началу охоты. Под вечер я был на заснеженном острове, где отец ждал массовый утиный пролет.

— «Запала» птица, чует непогоду, — сказал он, выбравшись из ямы-скрадка, плотно вытоптанной в высоком сугробе. — Одну шилохвость только и высидел. Забирай ее — и домой, на вечерник оставаться бесполезно.

И словно в воду смотрел, не успели перекусить, как с севера потянуло холодом, пошел мокрый снег. В поисках затишья в разных направлениях начали летать утки. Удачный дуплет от костра устроил отцовскую добычу. Ветер усилился, снежные заряды смещались в круговерть метели.

Через несколько минут на расчищенном таловыми прутьями теплом кострище лежали лодочные сиденья, упорная доска, весла. Над ними, как полунавес, защищающий от снега и ветра, перевернута калданка, под которой мне не впервые пришлось ночевать. В ватном костюме, малице и оленьих чулках, заправленных в большие кожаные бродни, устроился вполне комфортно. Отец спал в непродуваемом скрадке, покрытом плащом.

Утром вместе с шумом откинутой лодки я услышал его веселый голос:

— Везет разгильдяям, а то лежать бы тебе здесь дня три или больше!

Поняв намек на то, что северный ветер дует часто триадами: три, шесть, девять или даже двенадцать дней, а сейчас неожиданно стих, я выбрался из убежища, и первое, что уловил, — щекочущий запах весенней сырости. Вместо ожидаемого заморозка сильное потепление. От сочетания пятен старого, ноздреватого, и нового, мягкого, местами уже стаявшего снега остров стал синебелым. На огромном зеркальном разливе темные точки отдыхающих после беспокойной ночи уток.

Потом мы тихо сидели у кипящего чайника, слушали радостные крики возвратившихся на родину птиц, легкий звон запоздалых льдинок и милое сердцу охотника веселое потрескивание костра. Рядом, в развилках куста, висели три шилохвостых селезня, по-местному — острохвосты.

Из-под старой гнилой ивы, крадучись, вылез пестрый, потерявший роскошную зимнюю окраску горностай и, понюхав воздух, изящными прыжками направился к нашей добыче. Вот он ловко забрался на куст и жадно впился в шею убитой утки. Я крикнул и побежал прогонять разбойника, но ни шум, ни размахивание палкой не подействовали.

После бесцеремонного рывка за хвост он нехотя повернул в мою сторону оскаленную мордочку и, издав угрожающее «цзы-цзы-цзы», снова принялся сосать утиную кровь. Не желая иметь на руках следы острых как иглы зубов, решил поймать его петлей и стал искать веревку.

Тогда к кусту подошел отец. Сначала потрогал горностая за хвост, за спину, затем взял его в одну руку, а утку в другую. Зверек продолжал есть. Стало ясно, что, по природе своей исключительно осторожный, он был голоден и не боялся человека до такой степени, что позволил снова водворить себя вместе с уткой на куст, где оставался, пока не насытился.

Совершенно невероятная картина, когда свирепый горностай ест из рук, стала самым ценным «трофеем» — темой моей первой книжной охотничьей публикации.

А в эту книгу я включаю фрагмент из услышанного у костра рассказа отца о его первой охоте в том сезоне с подсадной гусыней. Молодого гуся мы подсмотрели с братом Володей на рынке. Был ноябрь, морозно. На нартах рядом с мешком мороженой рыбы лежал меховой гусь — одежда из оленьей шкуры, а из торчащего

рукава выглядывала голова настоящего гуся-гуменника. Узнав цену, десять рублей, я отправил брата за деньгами...

Самка гуменника получила кличку Гуська и всю зиму прожила у нас. Приручилась так, что на охоте ее не нужно было привязывать. Отец поехал с ней еще по закраинам, когда у меня в школе шли занятия.

Повествование слегка обработано и дается в третьем лице.

Задолго до начала утреннего оживления птиц охотник на месте и слушает одному ему понятную тишину. У разлива, на фоне низкого тальника, в снегу вырыт удобный скрадок, замаскированный поверху ветками и сухой травой. Недалеко плавают утиные чучела. На проталине среди гусиных профилей расхаживает подсадная гусыня, чистит перышки, прихорашивается.

И вот уже полетели на север первые утки: шилохвости, свиязи, чирки-свистунки. Они еще не очень осторожны и доверчиво подсаживаются к манщикам. Полюбовавшись плавающей стайкой, охотник поднимается и делает дуплет по испуганно взлетевшим птицам. Один шилохвостый селезень падает среди чучел, переворачивается белым брюшком вверх и судорожно перебирает серыми лапками. Второй выстрел настигает улетающую стаю, и еще один белогрудый «жених», подогнув свою коричневую головку, шлепается в залив.

Гуси пока не летят, ждут, когда потеплеет. От поднявшегося солнца над ледяной полосой пошли волнистые струйки пара. И в стороне прошла первая пара гуменников. В полукилометре появляется небольшой косяк. На двухсложное гагаканье подсадной гуси отвечают негромкими звуками. Наверное, обсуждают, стоит ли подсесть, нет ли чего подозрительного. Но маскировка безупречна, вокруг никаких посторонних предметов, — а гуси могут заметить даже забытый на снегу топор, которым забивались кольшки профилей.

Гуменники осторожно приближаются и делают заход для посадки. Они совсем близко. Сквозь ветки скрадка видны даже черные ноготки на их оранжевых клювах. Воздух свистит, рассекаемый мощными крыльями. Мушка стремительно выносится вперед, звучат выстрелы. Два гуся тяжело падают на снег, третий, учащенно махая крыльями, опускается на воду и затихает.

На сердце у охотника радостное ощущение весеннего, обновляющего душу утра и первых богатых трофеев...

Тем временем полая вода почти затопила наш островок, и мы, каждый в своей калданке, поехали домой. Горностая, незаметно забравшегося в одну из лодок, выпустили на высоком берегу.

Отделавшись легким испугом в связи с несостоявшимся отзимком, я продолжал теперь охотиться после каждого экзамена, пока не попал в трехдневный шторм и чуть было не опоздал на сдачу алгебры.

Наша добрейшая математичка и жена заядлого охотника, Зинаида Васильевна, по моей загорелой, припухшей физиономии быстро определила, в чем дело. Как бы рассматривая наброски ответа, тихо спросила:

— Сколько убил?

— Три утки.

— Ладно, готовься, меньше трояка не получишь. Мой-то всего пару привез, а четыре дня просидел.

Признаться, трояков этих я нахватал предостаточно. А экзамен по Конституции СССР, куда заявился неспавшим, в броднях и телогрейке, чуть было вообще не завалил.

Следующий весенний сезон начался со встречи ранее невиданного и во многом таинственного, священного для аборигенов Севера белого журавля-стерха. По рассказам отца я знал, что охотники изредка замечали их в низовьях Оби, а оленеводы — в тундрах Таза и Пура.

Во время редкого ледохода я сидел около пристани в ожидании момента, чтобы переправиться на калданке между льдинами через Полуй и перетащиться в сор. Прямо надо мной, на высоте восьмидесяти-ста метров, курсом на север пролетели две крупные птицы, розовые в ярком солнечном освещении. Их клювы, длинные лапы и кончики крыльев казались черными. Это были стерхи — предмет моих в последующем многолетних изысканий и публикаций.

А путь лежал опять же к отцу, обосновавшемуся на Кривом Мохтылево, но забитый мелким льдом Щеголь заставил повернуть назад. Со мной впервые был «Зауэр-Ястреб» 12-го калибра с очень кучным и резким, как у всех отцовских ружей, боем. У берегов зеркального разлива среди подтопленной травы кормилось много серых уток. Очень пугливые весной, они, как правило, взлетали за пределами выстрела. Только дважды удалось подъехать метров на сорок к отдельным парочкам шилохвостей. Насторожившиеся селезни вытягивали шеи, а я с упора на лодку целился им в голову и оба раза попадал несколькими дробинами.

Прекрасное настроение, вызванное хорошей погодой и неожиданно удачной весенней охотой с подъезда, рухнуло, когда я выехал на реку. Над последними льдинами шел массовый пролет уток. Совсем недалеко идут гуськом шесть больших крохалей. Выцеливаю второго — мимо, четвертого — тоже. Опередить или «обзадить»

невозможно, значит, обвысил или обнизил. Далеко замечаю стаю хохлатых чернетей. Любимые штыковые выстрелы — снова мажу. И так несколько раз. В меня вселилось какое-то самоедское чувство неуверенности, которое теперь называют комплексом.

Только в следующий перерыв между экзаменами, совпавший с воскресеньем, поехали в одной лодке с отцом на его пролетное место у протоки Кривое Мохтылево. Путь лежал сначала вверх по Полую, затем маленькая перетаска через полузатопленный берег и поворот под прямым углом в сор. Дул свежий боковой юговосточный ветер. Лодку качало на волнах.

— Запевай, — сказал отец. — И мы грянули песню моряков Бильбао:

Нелюдимо наше море, День и ночь шумит оно...

И без ложного пафоса с подъемом:

Будет буря, мы поспорим

И поборемся с ней.

Перевалив сор, подъехали к знаменитым воротам, образуемым двумя мысами между широкими разливами, тянущимися от Оби до Полуя. Ширину этого пролетного утиного коридора определяло Кривое Мохтылево, текущее метров триста в незаросших кустами берегах. В зависимости от направления ветра выбирался мыс, чтобы волнами не переворачивало манщики. Чаще сидели на узком, заросшем высокими кустами, как бы двурогом мысу, защищенном с востока, юга и запада. На нем всегда ставилась палатка и было два скрадка, занимаемые также в зависимости от направления и силы ветра. Противоположный, открытый и низкий, мыс использовался только при сильном северном ветре.

Здесь я упорно и трудно осваивал 12-й калибр. К моральным страданиям добавились физические. Легкое и прикладистое ружье обладало такой силой отдачи, что с правой стороны у меня распухли губы, на плече образовался синяк, а на среднем пальце — болезненное вздутие, набитое предохранительной скобой. Стопроцентно попадая в сидящих уток, я как бы заново учился стрелять влет — на подъеме, в угон или при посадке, когда утка выпускает лапы и часто машет крыльями почти на месте. Все попадания на большой высоте или скорости помню наперечет — насколько это было приятно и красиво. Помню и обидные промахи, особенно при налетах под углом. Этот ракурс я освоил позже, чем, казалось бы, самые трудные встречные (штыковые) королевские выстрелы.

После окончания экзаменов, отложив модную и престижную бескурковку, я вернулся к своему привычному «Аисту». Дважды

ходил с ним пешком в Кысканы. Сначала неожиданно для себя с достаточной высоты снял двух шилохвостей. Причем одна упала почти под ноги. Как всегда, это место собирало много городских охотников — недалеко от города и можно обойтись без лодки. Однажды в присутствии нашего доброго школьного военрука Глазунова я красиво сбил высоко летевшую на штык шилохвость, а затем, что еще более трудно, встречного селезня хохлатой чернети, летевшего чуть выше моего роста. Видимо, за это и с учетом активного участия в стрелковых соревнованиях Глазунов, не без риска, выдал мне мелкокалиберную винтовку «ТОЗ-8», которой я безраздельно пользовался вплоть до окончания школы. Стрелял из нее пуночек, куропаток, добивал уток-подранков при охоте из скрадка. Точность пристрелки была такова, что с расстояния пяти-шести метров можно было попасть в шляпку гвоздя.

Постепенно выходить из кризиса начал весной 1949 года, благодаря случайной ситуации. В начале сезона я на несколько дней отдал ружье и лодку дяде, вернувшемуся после десятилетней службы в армии. Выручили друзья-неохотники. Один принес курковую тулку и полсотни патронов с дробью-шестеркой. Другой предложил дырявую калданку с отпиленной и забитой фанерой кормой. Собрали по чердакам несколько манщиков-уродцев и отправились в Кысканы. Запомнилось даже число — 30 июня.

Мы приехали раньше всех и заняли центральный мыс. Вскоре подошел пешком и сел справа по ручью отец нашей соученицы, механик пристани Архангельский, всю ночь удивлявший точными красивыми выстрелами, часто дуплетами. Левее был заядлый молодой охотник Геннадий Родионов. Он стрелял на очень больших расстояниях, и если утки падали, то уж красиво. Еще дальше за ним устроился в своей бочке самый лучший салехардский стрелок Виталий Федорович Никитин. О его результатах мы узнали только утром — 36 чирков.

Первый трофей был наш. С разлива, не обращая внимания на манщики, невысоко летел своей дорогой турпан. Я сомневался, что собью его мелкой дробью. Заранее встал, выверил «поводком» опережение, и самая крупная утка комом упала в снег.

— Здорово вы его, — сказал Архангельский, думая, что в скрадке взрослый охотник, но, увидев трех знакомых подростков, засмеялся: — Правильно, пусть девчонки зубрят, а парни должны быть на охоте.

Около полуночи началась настоящая канонада — густо пошел чирок. Выстрелив около тридцати раз, я взял шесть маленьких, быстрых и юрких уток. Затем сильно похолодало, подул сильный северный ветер, пришлось уйти под защиту кустов к костру. Тихое и

пасмурное утро принесло достойный венец охоте. Я сбил двух свиязей, одного при посадке, второго под углом с высоты. Наконецто, ни одной сидящей утки. Но где взять мелкую дробь?! Ее тогда не завозили вообще, да и четверку или, на худой конец, тройку — доставали с трудом. Поэтому, еще не раз выезжая в том сезоне, я продолжал «успешно» мазать влет как из «Ястреба», так и собственного «Аиста».

Через год, во время экзаменов на аттестат зрелости, я поначалу и не помышлял об охоте, попав в число кандидатов на золотую медаль, что подтверждалось четвертными пятерками по «литературе письменно» и годовыми — по другим предметам.

Первые письменные экзамены не принесли успеха: на сочинении подвела неудачная проекция буржуазного явления — обломовщины — на нашу советскую действительность; на математике — механическая ошибка в вычислении какого-то синуса-косинуса.

Напряжение спало, после каждого экзамена я уезжал в «поле» и, как на грех, все остальные сдал успешно. И это был божий промысел, так как единственный наш выпускник, сдавший на серебряную медаль, получил подтверждение и документы так поздно, что не успел подать их в институт. А все (!) остальные поступили учиться дальше.

Не рискуя попасть в шторм на пойме, я охотился у лесной горы на Карыч-Моготе. И теплее, и веселее от обилия разнообразной фауны, да и в любую погоду домой приедешь. Дичи меньше, но разве это главное? Я наслаждался весной и общением с природой.

Местные охотники редко стреляли влет и предпочитали крупную дробь, поэтому мне удалось по случаю выменять пол-литровую банку шестерки на такое же количество двойки. И шестьдесят с небольшим патронов скрасили мою последнюю перед отъездом на учебу охоту, которой просто посчастливилось активно заняться. Мелкой дробью я стрелял только влет. Как-то теплым и тихим июньским утром с зеркальной глади сора стали разлетаться после отдыха морские чернети. Все шесть боковых налетов были результативно обстреляны. В спортивном азарте я застрелил и пулей пролетавшего над чучелами сокола-дербника, тогда это не только разрешалось, но и поощрялось. Были, конечно, и промахи, но попадать стал чаще, даже из нового отцовского довоенного «Зауэра три кольца» с очень кучным боем.

По оценке отца после крутого взлета и спада, моя стрелковая линия подошла к средненькому, но более или менее стабильному уровню.

А потом целых две весны без охоты. Тимирязевская академия, где я учился, располагалась на окраине Москвы. Как подстрелен-

ный журавль, провожал я стаи перелетных птиц, идущих в родные северные края. Только в 1953 году попал домой на закрытие охоты, всего на день, но как заново родился, посетив знакомые угодья.

С пятнадцатилетним братом Володей мы приехали на тот самый узкий мыс, где был постоянный охотничий стан — колья для палатки, кострище с таганком. Вода заметно убыла, сор обмелел. Места, где раньше выставляли манщики, обсохли. Берег зарос довольно высокой травой. Пролет уток почти закончился, и надо было искать место для скрадка, чтобы подкараулить самые поздние стайки синьги и турпанов. По дороге я довольно высоко снял в боковом полете рыжеголового селезня свиязи, летавшего, видимо, в поисках самки. На противоположной стороне большого озера заметили кормящегося чирка-трескунка. Я взял у брата только что появившуюся новую мелкокалиберку «ТОЗ-16» и подкрался к прибрежным кустам. Легкая маленькая винтовочка оказалась и точной. Поставив прицел на сто метров, с упора поразил маленькую утку первым выстрелом.

Скрадок сделали к вечеру на мысу большой быстрой протоки. Налетов было мало. Первой появилась громадная, около полусотни птиц, стая турпанов. Они не среагировали на манщики и, срезая мыс, прошли не над водой, а сбоку, над берегом. И хотя у меня было достаточно времени для выцеливания, я в азарте дал быстрый дуплет «в кучу», надеясь выбить несколько штук. В наказание за нарушение правила целиться в отдельную утку упал только один тяжелый белокрылый и желтоносый селезень.

Заранее оповестившая о себе коротким посвистыванием «нитка» синьги прошла чуть дальше манщиков, оставив на воде после выстрела черного как смоль селезня с красной шишкой на носу.

Трофеи пополнили пролетавшие мимо соксун-широконоска и пестрый красноносый кулик-сорока.

В моем альбоме до сих пор сохранился сделанный для друзейстудентов снимок висящей на ветке связки добытых тогда птиц.

Весной следующего года я приехал в Салехард на дипломную практику. Часть работы была сделана еще прошлым летом, и появилась возможность поохотиться несколько дней. К тому времени на смену гребным лодкам пришли деревянные лодки-бударки, оснащенные стационарными двигателями. Среди первых их владельцев были братья Морозовы, Иван и Андрей, а их напарниками стали отец и я. На мотобударках с привязанными попарно четырьмя калданками мы взяли тридцатикилометровый курс на разливы между протоками Харпосл и Хадар, где утки спрямляли пути к низовьям Оби и верховьям Полуя. Это был настоящий

ледовый рейс, пожалуй, затмивший своей суровой романтикой самую охоту.

Лодку морского, астраханского типа мы не в силах были вытащить на лед, не то что перетащить через поле. Поэтому или проталкивались между льдинами, обкалывая пешнями их края, или, что чаще, расчищали проходы между берегом и льдом, протаскивая моторки по мелководью. Так добрались до сравнительно свободного ото льда Карыч-Могота и вышли в Полуй. Там снова протискивались вдоль берега, пока не обнаружили разломы. Самым трудным оказалось форсирование Полуйского сора. Немыслимыми зигзагами и постоянно опасаясь начала ледохода, прорвались к устью Хадара и, обессиленные, свалились спать в маленькой избушке.

Протоку прошли относительно спокойно, но ее верхнее устье было забито льдинами, занесенными мощным течением Харпосла. Мы поставили палатку чуть ниже, в лесу. Рядом вешние разливы с удобными мысами, ручьями и заливами. Каждый нашел место по душе. Я расставил чучела классическим треугольником в небольшом заливе напротив узкого мыса, обращенного на югозапад. Калданку спрятал за единственный раскидистый тальниковый куст, маскировавший меня с тыла. Было очень холодно. К ночи или под утро вода покрывалась тонкой коркой льда, манщики отливали тонкой морозной серебряной сединой. Северный ветер пронизывал насквозь. Облачившись в олений «гусь» — закрытую одежду с капюшоном, — я превращался в глухую и неподвижную куклу. Только за первый вечерник прозевал три стайки гуменников, налетавших сзади. Уток приходилось брать поштучно, терпением и выносливостью, по одной-две за зорьку.

Через два дня начался обской ледоход. Было слышно, как трещал лед на широкой протоке Харпосл. Ветер стих, начался массовый пролет уток, и мы дня два хорошо постреляли первую птицу.

Это был последний многодневный выезд перед новым двухгодичным перерывом в весенней охоте.

Глава II. Из наблюдений и дневников

Осенью 1954 года появились мои первые газетные публикации — об итогах дипломной практики (советы агронома) и о последующей поездке на экскурсию в Мичуринск. А зимой в Москве, вдохновленный первой продолжительной встречей с родной природой и возможностью поохотиться, на одном дыхании написал воспоминания, где были какие-то картинки охотничьего детства, описание прилета птиц на фоне фенологических изменений, рассказы о некоторых охотах. Все это легло потом в основу заметок, статей и будущих книг.

Приехав после окончания академии в Салехард, я начал работать на сельскохозяйственной опытной станции. В те годы все научные сотрудники должны были печататься в газетах и журналах, что являлось одним из критериев оценки их «внедренческой» деятельности. Охотовед Анатолий Брагин издал брошюру «Промысел белого песца на Ямале». Уже тогда достаточно известный в стране охотовед и ученый Василий Платонович Макридин был заметным автором журнала «Охота и охотничье хозяйство». Он и стал первым редактором моих охотничьих зарисовок. До сих пор храню написанный карандашом оригинал с его пестрой правкой красными чернилами.

Осенью мне поручили готовить для газеты «Красный Север» информации о ходе сенокоса и полевых работ. Я записался в школу рабселькоров при редакции, которую вел заместитель редактора Александр Васильевич Лавелин, и в литературный кружок, руководимый первым профессиональным писателем Ямала Иваном Григорьевичем Истоминым. В 1956 году печатался довольно часто и в разных жанрах. Но самой любимой была тема охотничье-экологическая. Конкретная научная работа потребовала регулярных записей о фазах развития растений и погодно-температурных условиях. С начала весны я начал вести фенологические наблюдения, а в мае с благословения и при консультации Григория Евгеньевича Рахманина — печатать газетные заметки

о сезонных изменениях в природе. В том году весеннюю охоту запретили, в поездках и походах вместо ружья со мной были блокнот и фотоаппарат. А трофеями вместо уток стали публикации об особенностях той весны.

非非非

Суровая полярная зима нынче особенно упорно не хотела отступать. Почти весь апрель стояла морозная погода, лишь изредка пригревало солнце. Только в конце месяца выдалось несколько теплых дней, и весна началась сразу бурным потоком: быстро потемнели и осели сугробы снега, обсохли крыши, на дорогах появились лужицы, зажурчали ручьи.

17 апреля прилетели вестники северной весны — пуночки, 19 апреля замечены вороны, 29 апреля видели лебедей, 3 мая — гусей. Просыпаются от долгого зимнего сна мелкие речки, на крупных — появляется наледь. Уровень воды в Оби у Салехарда к 14 мая увеличился на 59 сантиметров. С 12 на 13 мая прибыло 8 сантиметров, с 14 на 15 мая — 14 сантиметров.

После похолодания со снегопадом лучи весеннего солнца кажутся еще теплее и ярче. Все больше оживает природа. Прилетели первые утки, трясогузки, полярные жаворонки и чечетки. В заветренных местах у ив пробудились цветочные почки. Высматривая на проталинах мелких грызунов, парит высоко в небе мохноногий канюк, охотится за пуночками сокол-дербник. Разбойник-волк готовит логово для щенения, у лисиц, зайцев и горностаев появляется потомство.

На глазах освобождается от снега земля. В оврагах и на склонах холмов многочисленные ручьи сливаются в шумные потоки.

Наступили белые ночи. Вечерняя заря сливается с утренней, солнце почти не заходит за горизонт. Земля испаряет много влаги. Снег остался лишь в густых зарослях кустов, на северных склонах и в глубоких оврагах. Ландшафт лесотундры из белого превращается в темно-коричневый, и на его фоне ярким контрастом выделяются заснеженные Уральские горы.

Всюду жизнь. Утренний лес наполнен веселым щебетанием разнообразных певчих птиц, далеко слышно бормотание токующих куропаток. Идет массовый пролет лебедей, гусей и уток.

На реках поднялся лед, образовались закраины. То и дело на поверхности воды с шумом появляются осенцы — обломки льда, примерзшего у берегов ко дну. Быстро прибывает вода. За 20-21 мая уровень воды в Оби в районе Ангальского мыса увеличился на 52 сантиметра.

К первому июня при уровне воды более пяти метров на Оби у Салехарда прошел лед. Река разлилась на десятки километров. Открылась величественная картина затопленной Обской поймы. Над необъятными водными просторами идут нескончаемые вереницы перелетных птиц, стремящихся в родные северные края. А на редких островках и торчащих из воды кустах ивняка спасаются от половодья различные зверьки: зайцы, ласки, мышевидные. Многие из них становятся добычей ястребов и сов. После ледохода заметно потеплело. Быстро просыхает и нагревается земля. Верхний горизонт почвы под тундрой оттаял на 10 сантиметров, под лугом — на 30, под пашней — на 60 сантиметров. Кое-где пробивается зелень травы. Начались весенние полевые работы.

Вот и короткое полярное лето. Все больше ласковых и теплых красок. Оделись ивы золотистыми сережками, пойменные берега покрылись желтым ковром первых цветов калужниц. Даже небо кажется более чистым, глубоким.

Жизнь бьет ключом. Жужжит толстяк-шмель, звенят комары, взлетает с водной глади жук-плавунец, в тихих заливах нередко можно увидеть нерестующих полосатых щук. Птицы заканчивают брачные игры: токует неутомимый бекас да разноцветные кулики-турухтаны устраивают свои «петушиные» бои. Большинство пернатых уже сидит на гнездах.

Наступила страдная пора у рыбаков, вонзевой ход сиговых рыб из Обской и Тазовской губ в Обь, Таз и притоки этих рек, а также на нагул в заливные сора.

Зима 1956—1957 годов была вьюжной и необыкновенно снежной. Старожилы Салехарда около двадцати лет не видели таких сугробов и заносов.

Без плавных переходов двадцатипяти-тридцатиградусные морозы сменились первой апрельской оттепелью. Чаще пасмурно, но временами облака расступались — открывалось по-летнему голубое небо, температура поднималась до плюс пяти градусов. Днем звенела капель, подтаивал снег, к вечеру на крышах повисали сосульки и становились скользкими дороги.

Оживленно чирикали воробьи, готовя гнезда, по-весеннему пела синица. Прибыли первые кочующие птицы. 9 апреля на дорогах появились перелетающие стайки белогрудых пуночек. Так, с остановками, будут они продвигаться в тундру. 12 апреля отмечен прилет чечеток. После зимнего безмолвия природы приятно слушать их замысловатые трели и посвистывание.

Весна атаковала дружно. По данным Салехардской метеостанции, с 21 по 25 апреля среднесуточная температура воздуха была полтора-два градуса выше нуля. Интенсивно таял снег, под действием солнца и ветра осели сугробы, зачернели проталины. Даже ночью не смолкал шум ручьев.

15 апреля прилетели вороны. У ивы начало сокодвижения — пора заготовки ватообразной стружки, применяемой в быту местным населением. Над просторами тундры раздались первые волнующие крики лебедей. 25 апреля в окрестностях Салехарда видели гусей-гуменников.

1—3 мая среднесуточная температура воздуха в Салехарде была два-четыре градуса выше нуля. Ожила лесотундра: серебристыми пушинками засверкали раскрывшиеся цветочные почки ивы. Слышны весеннее бормотание куропаток, нежный пересвист чечеток, журчание проснувшихся мелких речек. В оврагах, низинах, на льду крупных рек — огромные лужи воды. Наступила весенняя распутица. Последние аргиши (караваны) оленей ушли на весновки. С 30 апреля по 4 мая уровень воды в Оби у Салехарда поднялся на пятнадцать сантиметров.

Охоту открыли, но я попал в железные объятия весенней посевной кампании. Выручала появившаяся у нас огромная деревянная шлюпка с подвесным шестисильным мотором. Брат Володя с другом забирали меня после работы на сельхозстанции и везли на вечерник в заветный залив Карыч-Могота. Изредка я оставался до утра. Тогда, чтобы не уснуть в борозде, немного дремал между утренним и вечерним лётом уток и причаливал прямо к полю, благо цивильный костюм там не требовался.

А уж если удавалось на воскресенье отпроситься у директора Ивана Григорьевича Вершинина, не нарвавшись при этом на его разящий юмор, то был настоящий личный праздник от участия в празднике природы. Тогда я всю ночь проводил в скрадке на высоком мысу, где отрыл на склоне прямую площадку-пол, ступеньку-сиденье, выстланные толстым сенным матом для укрытия парников и теплиц. Впереди полукруглая стенка из таловых веток, переплетенных старой травой.

Особенно нравилось время на стыке вечерней и утренней зорь, какое-то серебряное и по цветовой, и по звуковой гамме, оттеняющее волшебство полярной ночи. Солнце ненадолго спрячется за седым Уралом, и тут же лучи невидимого светила начинают золотить верхушки деревьев на горе.

У всех на слуху пушкинское: «Одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса...» Мне кажется, что белая ночь — не смена, а соединение двух зорь, переход одного времени в другое, и больше прав Александр Блок:

...Руки одна заря закинула к другой, И сестры двух небес прядут один, То розовый, то голубой туман.

От него синевой искрится прибывающая на глазах вода. Белая трясогузка-ледоломка, церемонно и часто, по-японски, кланяясь на песке, провожает последние льдинки. Они и матово-гладкие с круглыми вытаявшими ямками, и сине-зеленые, прозрачные, словно дорогой хрусталь, и столбчатые, как друзы горного кварца.

Певчие птицы встречают раннее утро разноголосым хором, резко и громко стрекочут дрозды. Усиливается лёт уток.

Постепенно краски и звуки становятся яркими, громкими, откровенно радостными — начинается очередной день всеобщей хмельной свадьбы братьев наших меньших.

В июне 1957 года любовь к природе и тяга к перу заставили сменить профессию. Я стал собственным корреспондентом газеты «Тюменский комсомолец» по Ямалу и на несколько лет получил возможность более свободного распоряжения своим временем, в том числе и для охоты.

К весне 1958 года готовился основательно. Привозил из командировок дефицитную дробь, выписал по посылторгу несколько коробок папковых гильз и снарядил шестьсот (!) патронов к своему новому репарационному «Зауэру три кольца», купленному летом 1954 года и еще не опробованному на весенней охоте. Из-за частых поездок по округу той весной не написал ни одной фенологической заметки в газету, но начал вести одиннадцатилетние записи ежедневных уровней воды в Оби, с первой прибыли и до пика паводка, который, как правило, совпадал с ледоходом.

Главной особенностью весны 1958 года был очень поздний ледоход, соответственно, задержался и массовый пролет водоплавающих птиц. Если по среднемноголетним данным местной метеостанции самая поздняя дата начала ледохода на Оби у Салехарда отмечалась пятого июня, то теперь лед пошел седьмого июня. Обь полностью очистилась здесь ото льда только одиннадцатого при среднемноголетней дате очищения 31 мая. Восьмого июня был день наивысшего паводка при очень высоком уровне воды — 570 сантиметров, всего на 32 сантиметра ниже самого большого за 1958—1968 годы.

Выехать удалось днем пятого июня с началом подвижки льда на Оби. На большой шлюпке, движимой двумя подвесными моторами, легко уместились брат Володя с другом и младший брат Бориска. На длинном буксире вели две калданки. Полуй уже прошел,

высокая вода почти затопила пойму, и мы легко проехали к знаменитым пролетным воротам на узкий мыс. Но остров был покрыт высокими сугробами сырого снега, а на месте установки скрадков по щиколотку воды.

Поэтому лагерь разбили примерно в полукилометре на высоком сухом берегу у слияния проток Щеголь и Кривое Мохтылево. Там же, на старице, сделали скрадок Володя с другом и Бориской. А я, сложив в калданку гору таловых веток, чтобы не рубить их по пояс в снегу, поехал строить и мостить скрадок на мысу. Возился долго, кроме веток, надо было еще найти старое остожье и набрать остатков сена для маскировки скрадка. Остожий близко не было, но нашел зимнюю сеновозную дорогу, где и собрал кучу полусырого сена, упавшего с возов.

Весь вечер утки почти не летали — ни проходные на север, ни местные. Только перед отъездом на стан сбил случайно налетевшую одиночную хохлатую чернеть. Ребята тоже ни разу не выстрелили, но поймали в сеть, которую еле установили, забивая колья в мерзлое дно старицы, несколько сорожек и подъязков (не ахти какая рыба в краю осетров и муксунов, постная и костлявая). А первую уху из свежатины съели с огромным аппетитом и без остатка.

Ночью пошел дождь. Молодые охотники не захотели вылезать из палатки. Я тоже припозднился и был на месте в пятом часу. Быстро поставил манщики и к десяти утра настрелял пятнадцать уток. Птица зашевелилась в предчувствии обского ледохода. Одновременно летели и серые (благородные) утки, и более поздние нырки. Мимо манщиков пролетало пять самых северных утокморянок, или аллыков. Их длиннохвостые селезни издают мелодичные звуки «ав-ав-аовляк» или «ав-ав-аллы», за что и получили такое местное название. Птицы эти необыкновенно дружны. Если убивают самку, самец обычно не улетает, а долго кружится. Здесь же была проявлена коллективная солидарность. После дуплета все утки комком упали, но на поверхности остались два убитых селезня. Остальные нырнули, с ходу, словно камни, уйдя в воду. Только перезарядил ружье, как пара самцов вылетела прямо из воды, на что способны лишь лутки и гоголи. А самка показала голову, быстро погрузилась и, вынырнув, улетела.

На вечерник поехал пораньше, чтобы дать возможность Бориске застрелить какого-нибудь подсевшего к чучелам нырка. Он, как и мы с Володей, начал охотиться очень рано. Сначала без промаха стрелял из «ТОЗ-16» пуночек и уже года два добывал сидящих уток. Своего ружья у него еще не было. Если охотился с отцом или Володей, стрелял из их ружей, да и мое два года было свободно. К вечеру стало очень тепло. Я снял шапку и традиционную ватную стеганую куртку. Появились комары. Вылетевший откудато большой мотылек стал добычей пеночки, которая, не торопясь, съела его. На осевшем снегу в поисках проснувшихся насекомых бегали землеройки с длинными носиками-хоботками. Утки почему-то снова перестали летать. До восьми вчера было пять подсадов, и Бориска взял пять морских и хохлатых чернетей.

Обской ледоход вызвал обычное похолодание. От воды начал подниматься туман. Покрытые белесоватой дымкой берега стали казаться низкими. Вода приобрела цвет розоватого топленого молока, только с блеском, как у неоновой бело-розовой лампы. Постепенно берега полностью растворились в этом молоке, и без того огромный сор стал безбрежным. Туман медленно полз с запада, с недалекого Полярного Урала. Закончилась игра розовых и синих молочных красок, вода стала серой, затем покрылась белой пеленой. Ухо почувствовало сырой холод, пора на стан.

Утро следующего дня было довольно скучным. Добывая примерно в час по утке, я взял семь штук из снижавшихся или поднимавшихся у манщиков. Не обстрелял ни одного проходного табуна. Для Володи, начинавшего свою практику таксидермиста, ставшую позже его профессией, я застрелил чернозобую гагару. Так закончилась последняя охота на отцовском узком мысу у знаменитых пролетных ворот.

Немного запоздавшая весна 1959 года началась в мае бурным потоком. К середине месяца сугробы снега остались лишь в густых зарослях да в глубоких оврагах. Быстро вздулись горные ручьи и мелкие речушки. Поднявшийся лед крупных рек выглядел узенькой ломаной полоской среди широких закраин, заполненных вешними водами.

Обилие воды, подсохшие пойменные берега, лесные проталины властно звали издалека пернатых гостей. Прилет птиц был дружным, как и сама весна. В первой декаде мая прилетели хищники и чайки, утки и гуси, даже теплолюбивых куликов-кроншнепов заметили восьмого числа. Вскоре стали появляться воробыные: трясогузки (13 мая), полярные жаворонки. 19 мая около города пролетом к обрывистым берегам горного Полуя побывали стремительные береговые ласточки.

Охота была открыта 27 мая на десять дней, и я на весь срок уехал к знакомому по 1954 году верхнему устью Хадара. Там по прислоненным к высоким густым длинным и темным от времени жердям нашел кысканную просеку. Впереди вытянутый разлив, обращенный безлесной затопленной гривой к Харпослу и Игорской Оби. Слева узкая глубокая соровая протока, справа — большой залив.

А сзади, за просекой, — цепочка водоемов, ведущих к Большой Оби и Полую. Вечная утиная дорога.

Скрадок-полати соорудил на отдельно растущем затопленном старом таловом кусте, вырубив лишние сучья. Прямо к нему подъезжал на лодке, которую тут же прятал за густыми ветками. Манщики нырковых уток плавали на протоке, серых — на травянистой отмели перешейка перед просекой.

Стрелять чаще приходилось встречных, штыковых и угловых птиц на небольшой высоте, что, в общем-то, очень трудно. Недаром эти ракурсы соответствуют самым сложным номерам на круглом стенде.

Среди завсегдатаев этих богатых угодий были также Г.Е. Рахманин с охотоведом Левой Добринским, будущим крупным орнитологом, доктором биологических наук, и охотник-фанат, владелец лучшей в городе коллекции оружия врач Владимир Спасский.

В 1959 году самое мощное за десять лет половодье, затопив пойму, свело всех на одной лесной поляне у Хадара. В четырех палатках разместились наша семейная команда — отец, я, Борис, Володя и его друг Саша Касьянов с младшим братом; Григорий Евгеньевич с Левой и Спасский с напарником.

Моими ближайшими соседями стали Григорий Евгеньевич, который сидел у самого соединения сора с Хадаром, практически у меня на линии полета, и никогда не обстреливал уток, явно летящих на мой кыскан, и Лева, сидевший метрах в двухстах правее меня, на соседнем мысу. Я не стрелял тех уток, что могли налететь на него. А он однажды предупредил свистом и пропустил на меня гуменников, которые шли от него на расстоянии дальнего, но возможного выстрела. Быстрым дуплетом четверкой я сбил одного гусака.

С утренней зорьки, а она на севере длится часов пять, все возвращались в разное время и, наскоро перекусив, ложились спать. Зато перед вечерником, уже не торопясь, варили уток или рыбу и собирались у общего костра. Взрослые пропускали по чарке, а молодые получали на десерт байки-юморески и грустные истории, связанные с экстремальными ситуациями на охоте.

Туляк Владимир Владимирович Спасский, часто бывавший на родине, рассказывал о новинках земляков-оружейников — первом бокфлинте «Спутник» и полуавтомате «МЦ 21-12». Показал пополнение своего арсенала — самозарядную мелкокалиберку маузера и курковую «тулку-императорку» с золотыми царскими гербами на стволах.

Верхом совершенства была рахманинская старенькая горизонталка-«двадцатка» бельгийской фирмы «Франкотта», поражавшая тщательностью отделки и простотой линий. Ничего лишнего:

прямая ложа без затыльника, полные боковые доски без художественной гравировки. Но лучшая ствольная сталь «Сименс-Мартин», витой орех на прикладе, золоченые детали замка.

Точно знаю, что охотничьи собаки со временем становятся похожими на своих хозяев. По аналогии и ружья должны как-то соответствовать владельцам.

Обладатель «франкотта» — наиболее яркая личность из всех знакомых мне охотников-интеллектуалов, охотоведов и писателей-натуралистов (а знать довелось многих). Еще в 20-е годы он стал известным автором статей и книг об охоте, в том числе таких популярных, как «Календарь охотничьих птиц и зверей», «Четыре сезона ружейной охоты».

Много лет доцент Рахманин читал курс охотоведения в Ленинградском институте народов Севера. В послевоенные годы руководил заготовками пушнины на Ямале, проделав необычный и как бы обратный путь от литературы, через науку, к практике. Но каждый вечер, проходя по улице Республики мимо его дома напротив первой средней школы, можно было слышать треск пишущей машинки, а зимой и осенью — видеть огонек настольной лампы. Практика давала новую пищу теории и перу.

Его внешний колорит передают даже скупые штрихи к портрету. Высокий, подтянутый, моложавый для своих почти семидесяти лет. Породистое чуть вытянутое лицо, хрящеватый с горбинкой нос. Строгая выправка старого русского офицера и добрые пытливые глаза учителя, с проницательным юмором смотрящие из-под кустистых бровей.

В эти дни мы стали невольными свидетелями его символического прощания с охотой.

- Братья Патрикеевы чирковые (с ударением на букву «ы») артисты! приветствовал корифей российского охотоведения наше с Володей утреннее появление на стане. Видел-видел, как вы дуэтом стреляли на кыскане. А где же третий, будущий артист?
- Сдает экзамен на самостоятельного охотника, отозвался из палатки отец.
- Экзамен сдан, доложили мы аксакалам и взахлеб начали рассказывать о том, что увидели.

Из-за густых кустов ни я, ни Володя не заметили, как отец уехал с братьями Касьяновыми, впервые оставив одиннадцатилетнего Бориса одного, с ружьем и калданкой. Тем более выстрелы с той стороны время от времени раздавались.

Когда после охоты выехали на разлив, над отцовскими манщиками шла пролетная стая синьги. Одна утка подогнула шею, следом донесся звук выстрела, и тяжелый селезень упал перед скрадком. Из него колобком выкатился Бориска, схватил трофей и быстро назад. С высоты к манщикам круто «падало» несколько морских чернетей. Они уже «мочили лапы», когда заметили нас и стали неуклюже, замедленно подниматься. Снова выстрел, и «сероспинник» падает в воду. Опять появляется младший брат, бежит к спрятанной в кустах лодке и едет за уткой.

Стало понятно, что он один здесь хозяйничает. Вот это дебют! Но малец, казалось, принимал все как должное. Никаких восторгов. Разговаривая с нами, он все время озирался, не летят ли где утки. Я попытался придать должную торжественность моменту и, сняв с плеча «Зауэр», вручил его Бориске, как когда-то отец мне. Не помню, сказал ли брат спасибо, но всем своим озабоченным видом дал понять, что начинается утренний лёт нырков и нечего мешать человеку охотиться, если самим лень.

Появился он у палаток со связкой уток, когда теплый и тихий день уже разгулялся. Разлив с незаметными в блеске солнечных лучей голыми затопленными кустами был безбрежен как море. На гривах прямо из-под воды поднялись золотистые поля калужниц. В лесу на деревьях и кустарниках лопнули листовые почки: клей-ко-зеленые у березы, красно-розовые у шиповника. На лиственницах появились нежно-изумрудные щеточки новой хвои, у багульника — белые бутончики цветов, а на земле — острые и широкие листочки чемерицы. Вокруг слышался разноголосый птичий гвалт. Природа ликовала.

Все наперебой поздравляли юного охотника, явно смущенного общим вниманием. Григорий Евгеньевич обнял его и с нескрываемой, даже не грустью, а какой-то тоской печально сказал: «Да, Борис, у тебя первая настоящая охота, а у меня, наверное, последняя. Принимай эстафету, радуйся природе, больше наблюдай, замечай и стреляй уток только влет, как отец и братья».

И в это время, как по заказу, над Хадаром появилась свадьба свиязей — самка и четыре селезня. Бориска выхватил из рук стоявшего рядом младшего Касьянова одностволку, достал из кармана патрон, вложил и бросился к берегу. Утки взыграли, он выстрелил, и пара рыжих женихов оказалась у ног охотника...

Я записал его трофеи на той охоте: три синьги, две шилохвости, два свиязя, два чирка-трескунка и два чирка-свистунка, две морянки, две хохлатые и одна морская чернети, дупель и турухтан. Из них семь удалось сбить влет.

Так случилось, что Бог отмерял ему немного времени и забрал к себе ровно через тринадцать лет на такой же весенней охоте. Но никто не помнит, чтобы младший Патрикеев когда-нибудь про-

мазал влет. Это был поистине охотник божьей милостью и непревзойденный стрелок не только в нашем охотничьем клане, но и во всем городе.

Весну 1960 года я встретил далеко на Севере, на полуострове Ямал у бухты Находка. В середине апреля наша нарта катилась по безмолвной зимней тундре. Вокруг только снег, плотный, сбитый ветрами и морозами и со всех сторон сливающийся с горизонтом. Вдруг перед упряжкой со свистом вспорхнула стайка пуночек.

— Снежная птичка рано пришла. Тепло, однако, будет, — от-

кликнулся на мое удивление каюр.

Насколько ближе стал мне таймырский поэт Филиппенко:

Наш край суров порой зимой бывает,

Край темной ночи, ледяных ветров.

И вот от счастья слезы набегают

При песне пуночки в безмолвии снегов...

К вечеру воздух потерял прозрачность, стал ватно-серым и влажным. Рыбацкий поселок Новый Порт встретил нас... дождем. А через день в иллюминаторы самолета я наблюдал по вершинам холмов маленькие проталинки — первые веснушки на белом лице северной красавицы-тундры. Дальше к югу резче обозначились островки зарослей кустарниковой березы, потемневшие дороги. Черными точками отпечатались подтаявшие оленьи следы. Постепенно проталины увеличивались, на речках и в оврагах заблестели лужицы воды.

При посадке на ледовый аэродром в Салехарде брызги из-под широких лыж «Ан-2» поднялись до верхнего крыла. По краю полосы деловито прогуливались вороны. В небе, перекликаясь, летела пара лебедей. Это было накануне первомайского праздника. Настоящий весенний день — с горы к Полую, соревнуясь в шуме и скорости, стремились ручьи. Но в начале мая почти на десять дней воцарилось похолодание. Дули холодные северные ветры. До минус двадцати градусов опускалась температура. Мороз приглушил потоки, улетели лебеди, вернулись с севера пуночки. На Урале выпал снег.

Двадцатого мая температура поднялась до восьми градусов тепла. Проснулась лесотундра. У черной смородины, ольхи, рябины лопнули листовые почки. Набухли почки березы, малины, шиповника. У лиственницы — начало сокодвижения. Ивы уже давно покрылись серебристыми пушинками цветочных почек; листовые разовьются у них значительно позже, после ледохода.

Вернулись в родные края многие перелетные птицы. Появились первые, еще непроходные утки: шилохвость, свиязь, широконоска, чирки, а также чайки, совы. Из куликов прилетели кроншнепы,

бекасы, дупели, веретенники, турухтаны, называемые по-местному петушками; из мелких птичек — тундровые, или рогатые, жаворонки (рюмы), трясогузки, пеночки, дрозды, вьюрки.

Как писал Иван Бунин: «Весна, весна! И все ей радо...» Вот и освободившиеся из ледового плена ондатры начали гон, весело заплескались в закраинах, вскарабкиваясь на поднявшийся лед. Наблюдал свадьбу болотных сов. Самка, сидевшая на сухой талине среди луга, совсем по-кошачьи издавала призывные звуки: «мяу-мяу», а самец довольно высоко поднимался над ней кругами и при снижении гулко хлопал крыльями.

Как и в прошлом году, ледоход на Оби был 30-31 мая, только при уровне воды почти на метр ниже. Я снова приехал на кыскан у Хадара и не узнал место. Там, где плавали манщики, было сухо, а стоявший тогда чуть выше уровня воды скрадок выглядел теперь как высокий одноногий стул на курьей ножке. Я ходил по всему перешейку, как говорят охотники, «сухой ногой» и прямо с берега расставлял чучела в обмелевшие сор и протоку. Но кыскан продолжал работать. Утки летели своим извечным путем. Шли или над самой водой разлива, или резко снижались над просекой.

Вечером вслед за ледоходом начался массовый пролет уток. Я удачно опробовал вновь приобретенное ружье, довоенный «Зимсон» 16-го калибра, привезенный в качестве трофея из Германии. По весу, прикладистости, отделке и бою он ничем не отличался от «Зауэра», а толстый кожаный чехол, в котором купил ружье, до сих пор (почти полвека) служит мне.

Ровно в одиннадцать часов вечера сбил первую в жизни окольцованную утку-селезня хохлатой чернети. На алюминиевой метке надпись «ОИЗ — музей — Париж ДЕ-40-46».

Через час началюсь традиционное часовое окно перелета чирков. Они порой просто «обтекали» меня, пролетая чуть ли не под ногами, а под руками — не раз. Как будто стоишь на стенде на метровом возвышении и стреляешь по тарелочке, летящей на тебя у самой земли.

На этот раз я охотился на них со специально привезенным из Москвы почти столетним, 1866 года выпуска, ружьем Льежской Мануфактуры с дамасковыми цилиндрической сверловки стволами 12-го калибра. Именно оно принесло мне окончательную уверенность и решение никогда больше не стрелять сидящих птиц.

Сразу после охоты взвесил окольцованную утку (770 граммов) и по напечатанному в охотничьем билете адресу Центра кольцевания отправил метку в Москву. Мне ответили, что птица окольцована в заповеднике Камарг на Средиземноморском побережье Франции.

Еще на давних, довоенных, охотах, видя летящие стаи в сумерках, слыша свист их крыльев в темном ночном небе, я спрашивал отца, как же они определяют свой путь. Он отвечал, что по звездам, по Млечному пути.

- А в пасмурную погоду?
- Пользуются каким-то своим «компасом», устроенным по принципу нашего магнитного, объяснил отец и тут же обратил мое внимание на четверку маленьких темных гусей, переваливших с Оби на разлив и летевших над самой водой метрах в семидесяти от нас. Эти черные казарки случайно залетели с Ямала, объяснил он, обычно их путь к зимовкам лежит на запад по морскому побережью.
 - А как же узнают места зимовок и пути перелетов?
- Здесь еще много неизведанного, и одним из ключей к тайнам природы является кольцевание. Одно такое кольцо снято весной с лапки чирка в соседнем районе, скоро его пришлют.

Через несколько дней я впервые держал в руках маленькое алюминиевое колечко с номером и тремя выбитыми буквами «БЮН», что означало — «Биостанция юных натуралистов». Московские юннаты помогали ученым метить птиц. Кольцо отправили в Москву и уже в феврале пришел ответ, что им был помечен чирок-трескунок в Астраханском заповеднике. Отец сообщил об этом в салехардской газете «Красный Север», написал статью о значении кольцевания, о некоторых местах зимовок уток, гнездящихся на Ямале, о порядке пересылки колец в Центральное бюро кольцевания.

Так через двадцать лет я принял от отца своего рода эстафетную палочку, начал собирать и отправлять в Москву метки, а затем писать информации о кольцевании птиц.

Весна 1961 года была очень многоводной, а такого раннего наступления тепла северяне не видели очень давно. Первыми почувствовали ее деревья и кустарники. На месяц раньше, чем обычно, в середине марта, лопнули почки у ивы. 23 марта (самая ранняя дата за время моих наблюдений) появились пуночки. Через несколько дней прилетели вороны, вместе с ними видел редко залетающих к нам грачей. Черный ворон и чечетки совсем не откочевывали на юг из зоны лесотундры. 14 апреля в последний раз полыхало в небе сильное, яркое полярное сияние.

После традиционных буранов в начале мая снова стало тепло. Седьмого мая отмечен пролет лебедей, одиннадцатого — гусей-гуменников. Двенадцатого дневная температура воздуха поднялась до плюс четырех градусов. Над городом парил канюк. В этот день уровень воды в Оби был на 85 сантиметров выше прошлогоднего.

Надо отметить, что и прибывать вода начала в самые ранние сроки. На 15 апреля прибыль (89 сантиметров) была самой высокой за одиннадцать лет.

Ледоход и массовый пролет водоплавающих третий год подряд начинались в один день — 30 мая. Пиковый уровень воды (476 сантиметров) был всего на 26 сантиметров ниже, чем в самом многоводном 1959 году.

Я в последний раз, как оказалось, охотился на кыскане у Хадара. Отведенные на сезон десять дней незаметно пролетели в привычной смене теплых и холодных сухих и дождливых, штилевых и ветреных дней. И утки летали с разной активностью, и выстрелы следовали с разной точностью. Необычным был, наверное, только способ, которым я добыл пару казарок — не из укрытия, не с подъезда, не с подхода, а... с подбега. Был раньше такой прием, когда проворные охотники, завидев приближающуюся вне выстрела гусиную стаю, бросались что есть сил наперерез, тем самым сокращая расстояние.

Сидя с друзьями у костра после утренней зорьки, я услышал за лесом голоса краснозобых казарок: «чак-вой, чак-вой». Сообразив, что они должны вылететь на речку через соседнюю широкую и длинную лесную поляну, сорвал с дерева ружье, на ходу зарядил его парой патронов, всегда лежавших в левом кармане куртки, и выбежал в прогал. Быстрый встречный дуплет, и две красивейшие кирпично-черные с белым птицы, не занесенные тогда еще в Красную книгу, упали к моим ногам. Их чучела долгие годы украшали местный музей и квартиру отца.

Вместе с этими престижными трофеями я привез и два металлических трофея. Охотившийся на одном с нами разливе местный житель хант Егор Лапотников добыл селезня широконоски с голландской меткой «Музей Лейден Голланд», а его друг Дмитрий Сязи почти на том же месте, что и я в прошлом году, добыл такую же утку, хохлатую чернеть, с французским кольцом той же серии.

Еще одно французское кольцо серии ЕЛ-4922, снятое с чиркасвистунка, передал мне после окончания сезона знакомый охотник С.А. Кайгородов. Тогда же старый друг по охоте, известный деятель природоохранного движения на Ямале и пишущий натуралист Тит Мартышин, принес голландское кольцо «Музей Лейден — 3.015.411», снятое им также с чирка-свистунка. Французское и голландское кольца поступили в окружную охотинспекцию.

Эти метки я отправил в Москву и месяца через три из Центра кольцевания сообщили, что все утки с французскими кольцами были помечены в упомянутом заповеднике Камарг, с голландски-

ми — в заповеднике провинции Северный Брабант. Из письма узнал и рассказал через газету местным жителям, что половина уток, гнездящихся в Западной Сибири зимует в странах Западной Европы. А вторая половина зимует на Каспии и частично в Африке (шилохвость). Поскольку это установлено при помощи кольцевания, призвал охотников обязательно сообщать о находках меток.

Когда информация была опубликована, я уже работал далеко от Салехарда директором таежного зверооленеводческого совхоза в поселке Тарко-Сале у слияния рек Пяку-Пур и Айваседо-Пур, образующих мощную, быстротекущую реку Пур, впадающую в Тазовскую губу.

Охотничий промысел в разной мере сопутствовал всем традиционным северным отраслям совхоза — оленеводству, рыболовству и звероводству. Мне повезло, что в то время охотустройство района вели известный охотовед и литератор Григорий Бабаков, автор книги «В краю кедра и соболя», и его друг, будущий доцент Валерий Бухменов. Много нового и полезного я узнал от частого общения с молодыми, но уже «прожженными» таежниками.

Вместе со мной работали самые увлеченные тарко-салинские охотники, меткие стрелки и знатоки угодий — инженер рыболовства Иван Маркович Морозов и бухгалтер Владлен Иннокентьевич Уваровский, сын известного организатора охотпромысла на полуострове Ямал в начале 30-х годов, то есть охотник «с пеленок». Кроме прочего, Морозов славился редким тогда немецким ружьем-бокфлинтом, а Уваровский — лучшими лайками-глухарятницами.

С этими собаками мы и ходили весной 1962 года на глухарей. В то время, когда на территории национальных округов безраздельно «правили» тюменские областные охотчиновники — любители всяческих запретов, охота на токах по глухарям и тетеревам по совершенно непонятным причинам не открывалась. Поэтому местные охотники успевали стрелять этих птиц по первому насту, когда они начинали концентрироваться перед токами.

Морозным утром, надев на ботинки (!) спортивные лыжи со старинными креплениями «Ротофелло», мы двинулись с Владленом Уваровским в лес, окруженные пятеркой его лаек. Для начала разделились и пошли параллельными курсами. Когда собаки залаяли, я пошел к ним напрямую и совершенно неожиданно увидел на небольшой березе глухаря. Он сидел метрах в двадцати, спокойно смотрел на меня, а его освещенный поднимающимся солнцем зоб отливал ярким зеленым золотом. Прицелился, нажал на спуск — послышался сухой щелчок, нажал на второй —

тоже самое. Замерзшая на пластинчатых пружинах «Зимсона» смазка привела к осечкам. Первая охота была испорчена (первый блин!).

Остальные выходы были более или менее удачными. Мне нравилось наблюдать собачье рвение в поиске и реакцию птиц. Сидящие на открытых ветках глухари с любопытством наблюдали за беснующимися под деревом охрипшими собаками, забавно поворачивая толстую шею. Иногда лайки учуивали птицу в огромном густом кедре и ее невозможно было увидеть. В этом случае выручала самая старая собака, обязательно поднимавшая лай со стороны затаившегося глухаря. Если это не помогало, мы вставали с двух сторон дерева, кто-то стрелял в воздух, а по птице — тот, на кого она вылетала.

За две весны было пять-шесть таких охот. Приносили обычно по одной-две птицы. Как-то раз взяли семь глухарей и еле донесли в рюкзаках, так как узкие лыжи под тяжестью порой продавливали наст.

Весенняя охота из-за отсутствия широкой поймы там имела свои особенности. На первых уток охотились до ледохода, уходя пешком на лесные озера, болота, небольшие разливчики около речушек и ручьев, где были сравнительно открытые пространства, талая вода и какая-нибудь трава.

Пятого мая 1962 (дату запомнил, потому что отмечалось 50-летие «Правды», и мне как члену бюро райкома партии и единственному в районе члену Союза журналистов предстояло делать доклад в клубе) часов в семь утра я шел на звероферму.

— Борисыч, ты что, спишь? В луже около бани стая острохвостов плавает, — окликнул меня сосед.

Я вернулся за ружьем и бегом к этой луже. Смотрю, и Уваровский с другой стороны подходит. Чуть ли не из самой бани прозвучал выстрел, и утки налетели на Уваровского. Одну он сбил. В это время из-за бани вышел Морозов с чирком в руках. Один я, бестрофейный, пошел напрямик к ферме и набрел на небольшой разлив лесного ручья. Мысок на открытой луже смотрит на югозапад. Быстро наломал веток, поставил для сидения старый ящик из-под вина — и на работу.

После торжественного заседания забежал домой переодеться и взять ружье. Манщики расставил уже почти в сумерках. Только сел, над кустами появилась шилохвость. Взял ее красиво, на штык. Стало смеркаться, еще бы посидеть. Но слышу, жена кричит с крыльца (до дома-то метров сто всего).

— Иди домой, скоро свет погасят, и чай остынет.

Значит, одиннадцать часов подходит, электростанция заканчивает работу.

Утром прихожу в контору и слышу разговор, что сосед Андрей Миронович Мигунов больше десятка уток принес. Когда попросил взять с собой, он ответил: «Пойдем, но одно условие — стрелять только после меня».

Дело в том, что он потерял на фронте правую руку и мог стрелять лишь сидящих уток. Его «вотчинное» угодье, которое все звали мигуновским болотом, находилось минутах в сорока ходьбы от поселка. Это было почти круглое, полностью простреливаемое озеро, скорее затопленная талыми водами низина на большом лугу, подковой отороченном лесом и открытом к реке.

Мы расширили скрадок, сделали удобное сидение из доски, уложенной на чурки, и сели рядом.

Вдруг сильный шум утиных крыльев. Огромная стая свиязей делала над озером разворот для посадки. Не знаю, чего стоило мне удержаться, чтобы не встать. Мироныч, сидящий справа, вдавил меня в сидение своей единственной рукой. Утки расселись и начали кормиться. После неторопливого прицеливания Мироныч, наконец, выстрелил. Я вскочил, сбил дуплетом пару, а он уже подает мне свое ружье. Выстрел вдогонку сражает еще одну утку. Так у меня появилось что-то вроде трехстволки, даже по чиркам удалось однажды выстрелить третий раз. Конечно, не большое удовольствие стрелять угонных уток, но возможность использовать второе ружье подогревала азарт быстрой стрельбы. Так в своеобразном тандеме провели мы три вечерника, пока вода не затопила луг.

На следующую весну я нашел чуть подальше от поселка «персональный» разлив с хорошим узким мысом для скрадка, где утки летали и вечером, и утром. Садиться к манщикам я им, разумеется, не позволял.

После вскрытия больших рек охотники перемещались на песчаные острова. Здесь птица летела над сравнительно узким водным пространством, ограниченным коренными лесистыми берегами. Было ее, конечно, намного меньше, чем в низовьях Оби, особенно гусей и куликов. Но из-за концентрации стай на одной дороге создавалось впечатление, что ты находишься в кыскане, притягивающем уток. Только шли они выше и встречным курсом, а значит и чаще случались красивые выстрелы.

Но всю картину портило сильнейшее речное течение, которое из гребных лодок могла преодолеть только верткая долбленка. Даже привезенная мною обская ходкая калданка двигалась елееле. Поэтому не столько стреляешь, сколько ездишь за трофеями. Да и не так-то просто найти удобное мелкое место для расстановки манщиков. Пенопластовые постоянно скручивало, уносило течением, а резиновые даже топило. Спокойно мог охотиться там

только человек, оснащенный быстроходной мотолодкой, и то если мотор безотказный.

Поэтому мы с Морозовым и Уваровским охотились «бригадным» методом. Строили на острове три скрадка, но во время сильного лёта уток, двое стреляли, а третий на легкой дюралевой шлюпке-казанке с десятисильным подвесным мотором «Москва» подбирал трофеи и уносимые течением манщики.

После очередного, ставшего традиционным, двухгодичного перерыва весну 1964 года снова встречал в Салехарде и ждал с особым нетерпением, чтобы вдохнуть живой воздух безбрежных обских просторов. Не поленился переписать данные метеостанции о весенних уровнях воды за 1962—1963 годы. Следил за регулярно публикуемыми тогда в газете метеосводками. По своим более тщательным постоянным наблюдениям написал пять весенних заметок фенолога.

В этот год суровая и малоснежная зима долго не сдавалась. До двадцатого апреля стояла ясная, безветренная, холодная погода. Настоящая пришвинская «весна света»: яркое слепящее солнце, голубое небо, искрящийся свет. Днем морозы ослабевали до 12—16 градусов, ночью усиливались до 22—27. Минимальная температура в первой декаде была минус 37, а средняя — на девять градусов ниже нормы. В конце апреля прошли циклоны, но вместо долгожданного тепла принесли два бурана с сильными морозами. Получилось, что самые большие сугробы намело не раньше как в мае.

Из-за холодов медленно прибывала вода. На 12 мая общий уровень был только 101 сантиметр при суточной прибыли всего три сантиметра, тогда как наиболее холодной весной 1960 года на эту дату уже прибыло 188 сантиметров, в том числе 12 сантиметров за сутки. А наиболее ранней весной 1961 года эти уровни составляли соответственно 246 и 14 сантиметров. Медленная прибыль воды определила и сравнительно поздний ледоход, начавшийся третьего июня. За одиннадцать лет наблюдений более поздняя дата очищения реки ото льда была лишь в 1958 году.

Новая работа руководителем группы инспекторов по сельскому хозяйству окружкома КПСС означала твердые рамки партийной дисциплины. Это не вольный собкор «молодежки» и не вечно находящийся на природе директор совхоза, никогда не расстающийся с ружьем или карабином. В середине мая, когда можно было бы уже думать, как в старые добрые времена, о выезде на многодневную охоту, меня ждала командировка в самый отдаленный восточный район округа — Красноселькупский. Чтобы добраться до райцентра, нужно было лететь на одномоторном биплане «Ан-2»,

установленном на лыжи, сначала часа четыре к северу, до поселка Тазовский, затем еще часа два с лишним к югу, от устья реки Таз до райцентра Красноселькуп. Ни при взлете, ни при посадках на ледовые аэродромы никаких признаков весны не наблюдалось.

В первую же субботу старый друг, охотовед по образованию, а тогда заместитель главы района, Владимир Кириллович Конев предложил сходить на лыжах в лес. Был он родом из восточносибирской таежной глубинки и с характерным говорком:

- Ружьишко возьмем, глядишь, и гусишку добудем.
- Какие гуси, если днем только закапало с крыш, а на реке и наледь не появилась?
- Не беспокойся, гуси будут, река тут ни при чем, мы увидим их на озерах среди открытых участков тундры, соседствующих с лесом.
- Но ведь проталин нет даже у поселка, зачем гусям садиться на озерный лед?
- Проталины мы «нарисуем». Видишь мешки с сеном. Сожжем у скрадка и на потемневшем снегу проставим профили.

Эти манщики еще больше расстроили. После моих ярко раскрашенных красавцев из многослойной фанеры, черные уродцы чуть ли не вырубленные топором из гнущегося рубероида, казалось, будут только отпугивать живых гусей.

Сам неожиданный выход на природу, конечно, радовал. Я примерил выданную одежду и лыжные ботинки. Осмотрев предложенное ружье, «ИЖ-49» 12-го калибра, несколько раз приложился и ощутил явный дисбаланс, стволы все время тянули вниз.

Вскоре подошли наши спутники, мои хорошо знакомые, ранее работавшие в Салехарде, председатель местного сельсовета Геннадий Алексеевич Созонов и прокурор района Николай Борисович Костко.

Поздно вечером мы пошли сначала пешком по укатанной тракторной дороге. Лыжи несли на плечах. У нас с Николаем узкие беговые, а у Кириллыча и грузного Геннадия — широкие охотничьи «снегоступы», обтянутые камусом (шкурой с оленьих или лосиных ног). Дорога пересекала редкие перелески из чахлых кедров, изогнутых северными ветрами лиственниц, тонких елочек и невысоких белоногих березок. День догорал. С севера потянуло холодом. Но вдруг как по команде мы повернули головы на гусиные голоса. Невдалеке над верхушками деревьев плавно шел караван из двенадцати птиц, вселяя надежду на предстоящую охоту.

Мы надели лыжи и взяли курс на высокий лесистый бугор. Там, под защитой деревьев, устроили привал и разожгли костер из сушняка лиственницы. Смолевые ветки, унизанные засохшими

шишками, с треском разгорелись. Специфический запах серы сделал приятно-терпким прозрачный бледно-голубой дымок. Глядя на первый после долгой зимы костер, мы полными глотками вдыхали этот дым.

В котелке таял весенний снег с настывшими стебельками оленьего лишайника-ягеля. Привлек внимание последний недотаявший комочек снега. Сначала сахаристый, он стал прозрачным и качался на воде как весенняя, изъеденная теплом льдинка.

После чая снова надели лыжи и тронулись в последний переход по узкой длинной тундре, окаймленной с двух сторон щеткой синеющего леса. Здесь гуси пролетали, срезая изгиб реки Таз. На пути встретили кем-то оставленный скрадок, перед ним остатки сожженного сена, следы-лунки от снятых профилей и ямка в снегу, окрашенная кровью. Но место не очень удобно из-за плохого обзора.

«Вот хороший бугор, на линии полета», — показал наш егерьпредводитель. И мы с Геннадием остались. Сделали почти незаметный скрадок из снега, кедровых и еловых лап. Сожгли мешок сена и у искусственных проталин поставили штук пятнадцать профилей на заснеженный лед озера.

Николай и Кириллыч устроили засидку на другом берегу озера. В леске около них мы все снова жгли трескучий костер и пили чай, предварительно приняв разведенного спирта под малосольного сига, выловленного Кириллычем подледной сеткой в реке напротив окон своего дома. Здесь встретили восход солнца. Его малиновый диск появился на северо-востоке в два часа ночи. Тут же прозвучала трель чечетки и громко прокаркала ворона. Но ветер усилился, сильно похолодало. Традиционный северный разогрев спиртом пришлось повторить теперь уже в виде пунша.

В четыре часа мы разместились с Геннадием в скрадке на импровизированном сиденье из лыж. Только около шести утра заметили первого гуся. Он, снижаясь без разворота, шел на профили. Я встал и обстрелял его в боковом полете. После первого выстрела гуменник как-то встряхнулся, выпустил лапы и чуть замедлил полет, а после второго — еще быстрее замахал крыльями, пытаясь набрать высоту. Затем, снижаясь, стал планировать, снова замахал крыльями, резко взмыл ввысь, перевернулся и замертво упал в снег метров за сто с небольшим от нас. В легких лыжах по твердому насту я сбегал за ним как на кроссе. Гусь был большой и тяжелый.

Промерзнув еще часа три, мы больше не видели гусей, только три стройные колонны лебедей-кликунов молча прошли на север. Поскольку для командированного выходные дни не полагались,

я, захватив добычу, отправился в поселок. Утром стало заметно теплеть, лыжи начали проваливаться в размягченный наст. Пока уже не катился, а шагал к дороге, почувствовалось наступление настоящего весеннего дня. Увидев сначала три пары, затем тройку пролетавших гусей, не без зависти подумал, что оставшиеся друзья могут неплохо пострелять.

Но надежды не оправдались. Под дождем, по раскисшему снегу и без трофеев они появились под вечер в поселке. Жареный гусь в сочетании с мороженой брусникой и обычным здесь алкогольным напитком под названием «Спирт питьевой» стал утешительным призом.

Через несколько теплых дней снег на взлетно-посадочной полосе подтаял, появились пятна синевато-серого льда и лужи. При подъеме «Ан-2» из-под лыж брызгами разлеталась вода, а когда приземлились в Тазовском, на ледовом аэродроме не было никаких признаков весны.

28 мая при почти четырехчасовом перелете Тазовский—Салехард появилась возможность наблюдать весенние изменения на воде и земле с высоты птичьего полета. На юго-западе от поселка стали появляться чуть подтаявшие вершины бугров. Удивительно симметричное сочетание темного и светлого напоминало рисунок заснеженной вольерной сетки. Только через полтора часа полета на берегу Обской губы заметил большие проталины. В устьях впадающих в нее речек или оврагов образовалась наледь. Самолетная трасса пересекала губу к Ямалу. Под нами островки вытаявшего из-под снега сверкающего льда. Через сорок минут полета у левого берега губы уже видны большие, довольно глубокие участки наледи, постепенно сливающиеся в сплошные, через всю Обскую губу, озера. Кое-где даже не просматривалось дно, так много воды поверх льда.

Примерно через два часа пролетели поселок Находка на восточном побережье Ямала. В дельте Оби вода всюду — и в рукавах реки, и в разливах-сорах. Оставляя стреловидные следы от разбега, поднялась пятерка лебедей. Еще через полчаса около поселка Панаевск сплошное море воды с полосой поднявшегося льда. Местами у его кромки сбившиеся в кучу льдины-осенцы. Чуть южнее, около Пуйко, впервые увидел уток — очень много шилохвостей и стаю хохлатой чернети.

У Салемала (концевого мыса) началась Большая Обь с широкими закраинами и узкой синей полоской льда, сверкающей на солнце. Вытаявшая по берегам блеклая трава казалась золотой, а лед на озерах играл одновременно и легкой синью, и бирюзой, и изумрудом — такая своеобразная радуга. Пролетев полчаса от

Панаевска, миновали Аксарку, где еще были закраины. А чуть выше Харсаима и до Салехарда лед был полностью разломан. В тот день при самом низком уровне воды за одиннадцать лет, 381 сантиметр, произошла первая подвижка. Но для ледохода этого было недостаточно, и он начался только через неделю, когда вода поднялась еще на 185 сантиметров.

Получилось так, что до следующей командировки, которая предстояла по первой «чистой воде», у меня оставалось только одно воскресенье, чтобы побывать на близких сердцу охотничьих местах. На узком мысу у Карыч-Могота снова встретил белую ночь. Солнце наполовину скрылось за Уралом. От его матового света серебристо-сиреневая вода стала сначала серо-стальной, потом холодно-зеленоватой. Прошло немного времени и белый солнечный свет как бы рассеялся повсюду. Небо еще не синее и даже не голубое, а какое-то прозрачное, кажется, что просматривается своеобразный сетчатый растр.

Первыми пробудились куропатки на ближайшей лесотундровой горе. Петухи с крикливым бормотанием начали подниматься над кустами в брачном полете. Разноголосым пением встретили раннее утро мелкие птички. Усилился лёт уток.

Над поймой совы, канюки и луни парили в поисках не успевших уйти на коренной берег мышевидных грызунов. Более крупные зверьки спешили побыстрее покинуть острова. Горностаи, ласки, зайцы вплавь перебирались в лес. Прямо передо мной за протокой вышла из леса посветлевшая, «облезлая» лисица. Осмотрелась, понюхала воздух и осторожно двинулась к берегу. Несколько раз пробовала хитрая лиса воду лапой — холодно. Но выхода нет, и она поплыла, высоко подняв еще пышный хвост, чтобы не намок, не потянул на дно.

А света все больше. Первый солнечный блик заиграл на воде, окрасив свинцовую рябь в синий, искрящий цвет. Последние сугробы на обращенных к югу склонах из грязно-серых превратились в розовые. Чуть позже начался пролет гусей, куликов, чаек. К полудню громче зажурчали ручьи, несущиеся из лесных оврагов. Оживились первые насекомые: комары, мотыльки, жуки-плавунцы, муравьи.

Кажется, все так же, как и весной далекого 1942 года, когда я был здесь на первой в жизни весенней охоте, так же, как и во время многих других охот на этом месте. Такие же краски и звуки природы, только воспринимаемые каждый раз по-новому, глубже и впечатлительнее. А вот окружающий ландшафт несколько изменился. Совсем заросла тальником просека, прорубленная отцом и Николаем Яковлевым в предвоенные годы. В заливе, где стоял

еще в начале войны скрадок Георгия Кошкарова, образовалась промоина, и часть воды быстрого Карыч-Могота пошла к Салехарду сквозной проточкой вдоль горы, вливаясь потом в пригородную Поляпту. Разрушился железнодорожный мостик, по которому в 1950 году с тонкими свистками паровозы «ОВ» («овечки») тащили небольшие составы по будущей «мертвой» дороге.

Признаюсь, в этот раз я больше наблюдал, чем охотился. Запомнил только, как снял королевским выстрелом высоко летевшего чирка-свистунка и как брат Бориска с неожиданной сноровкой и быстрой реакцией успел подстрелить пролетавшего над протокой крякового селезня — очень редкий и престижный на Ямале трофей.

А еще эта весна была самой урожайной по добыче окольцованных уток. Только от охотников Салехарда и окрестных населенных пунктов я получил около десятка меток, две пришли из отдаленных Пуровского и Тазовского районов. Передали мне и три кольца, снятые с уток, добытых в 1963 году.

Как сообщила позже научный сотрудник Центра кольцевания М.И. Лебедева, на биологической станции Тур дю-Валя (заповедник Камарг, Франция) были помечены хохлатая чернеть, добытая под Салехардом Н. Кульмаметьевым, и морская чернеть, добытая там же Д. Булыгиным. Эта утка проносила кольцо десять лет, ежегодно совершая перелеты по 4000 километров в одну сторону. Две хохлатые чернети, добытые Д. Булыгиным, помечены в Дании, на островах Лоланн и Зеландия (провинция Северный Брабант). Там же окольцованы хохлатые чернети, добытые С. Терентьевым и А. Гартунгом из п. Аксарка, и морская чернеть, добытая А. Федоровым из п. Лабытнанги.

В заповеднике Северный Брабант (Голландия) помечены свиязи, добытые Д. Тэсида из Тазовской губы, Г. Сажиным у Салехарда и неизвестным охотником на озере Тун-Лор Шурышкарского района. В графстве Эссекс (Великобритания) окольцована свиязь, добытая В. Ковшиным из п. Катравож, а хохлатая чернеть, трофей его земляка А. Тарасова, — в Финляндии. К сожалению, мне так и не удалось узнать дату и место кольцевания утки неуказанной породы, добытой неизвестным охотником из п. Лабытнанги. Метка была австрийская, что, в принципе, расширяло географию мест зимовки уток, гнездящихся на Ямале.

Зима 1964—1965 года была менее суровой, чем прошлогодняя. Раньше почувствовались и признаки весны. В конце марта спела свою весеннюю песню синица, появились стайки чечеток, зазвенела капель, на карнизах домов повисли сосульки. Пуночки-подорожники — общепризнанные вестники северной весны — прилетели 25 марта, примерно на две недели раньше обычного. За

последнее десятилетие только в 1961 году их прилет был отмечен 23 марта.

Первый тур весны прервался снежным ураганом. Но контратака зимы была недолгой. Расступились облака на голубом повесеннему небе. Солнце согрело землю. 15 апреля температура поднялась выше нуля. Моментально осели потемневшие зернистые сугробы, обсохли крыши. Из снеговых луж побежали ручьи. На тепло пожаловали новые пернатые гости — вороны. Ожили деревья. В заветренных местах у ивы лопнули почки, и серебристые пушинки заменили на ветвях снег.

Весна стала наступать дружно, без резких похолоданий и традиционных майских буранов. Пиковый уровень половодья — 521 сантиметр — был самым низким за предыдущие восемь лет, а ледоход — 29 мая — ранним. За указанный период только в 1962 году лед пошел 19 мая.

Весной в Салехард впервые завезли отечественные бокфлинты «ИЖ-12». Вся партия была рядового исполнения. Однако внешне ружья производили очень приятное впечатление. Необычно расположенные стволы с серо-стальным воронением, колодка без художественной гравировки, но аккуратно подогнанная к полупистолетной буковой ложе с резиновым затыльником. Мы смотрели новинку вместе с отцом и, развернув паспорт, отметили, что стволы хромированы, а это немаловажно при стрельбе нитропорохами, спиральные пружины — не будут отказывать на морозе, а также наличие важных для безопасности оружия автоматического предохранителя и интерсепторов-перехватывателей курков. Прикладистость я опробовал, не снимая теплого пальто. Вскинул, и ружье легко легло в плечо, а мушка сразу совпала с прицельной планкой.

Как и оба моих брата, я тут же купил «ИЖ-12». И до сих пор считаю, что эта модель, а она выпускалась в улучшенном и штучном исполнении, по сочетанию боя и дизайна самое лучшее из серийных советско-российских ружей с вертикальным расположением стволов, производившихся в XX веке.

Ни в какое сравнение не идет с ним непонятно зачем разработанное «ИЖ-27» с громоздкой, совершенно никчемной вентилируемой прицельной планкой, где застревают разные травинкисоринки, и с кургузой неудобной ложей, пусть даже ореховой. Что касается «ТОЗ-34» с его неплохим, как, кстати, и у «ИЖ-27» боем, то если взять необходимость решения задачи-головоломки при каждой сборке-разборке и открытость соединения стволов и приклада для доступа воды и грязи, то можно сделать вывод о полном незнании конструкторами условий нашей охоты или нежелании их учитывать в угоду своим «творческим» амбициям.

Специально пристреливать «ижевку» я не стал, так как решил пользоваться патронами фабричной снарядки. И на первой же охоте убедился в великолепном бое ружья. Когда над чучелами появились две синьги, довольно крупные и массивные утки, я встал и дважды пропуделял по летевшему сзади селезню. Догадка пришла быстро — причина в хорошей кучности снаряда, благодаря отличной сверловке стволов. Тут же поставил на расстоянии 35 метров лодочное сиденье 50х60 сантиметров из двадцатимиллиметровых досок и выстрелил дробью № 4. Вся площадь оказалась «убойной», а доски — пробитыми насквозь. Да, из такого ружья легко и даже порой картинно-вальяжно, как из «зауэров» «зимсонов» с их широкой «осыпью», не постреляешь. Позорным для стрелка был и последний выстрел этой охоты. Я «обзадил» неожиданно вылетевшего из–за кустов белолобого гуся. От шока и расстройства не стал стрелять из второго ствола.

Тем не менее общий результат той поездки был отличным. Я вновь побывал на месте своей первой весенней охоты, поспал днем под перевернутой над кострищем лодкой и взял за три зорьки

девятнадцать уток.

Больше поохотиться у Салехарда не удалось. Очередная командировка привела меня в поселок Катравож на реке Собь-Юган недалеко от впадения ее в Большую Обь. В надежде пострелять зорьку-другую на богатейших утиных угодьях, я взял с собой новое ружье. В субботу уже закончил свои дела, но вернуться домой не смог, так как разгулялся сильный шторм, когда не только почтовые катера, на которых возили пассажиров, а даже более мощные суда не рисковали идти по Оби.

Вечером давний друг, местный учитель географии Михаил Вокуев, пригласил вместе с одним своим родственником на охоту. Какими-то узкими протоками, заветренными берегами мы пробрались в залив, отделяемый от бушующей Оби неширокой гривой, поросшей высокими, густыми кустами тальника. Пойменный берег здесь непосредственно соединялся с лесистым островом, полуподковой окружавшим залив. На Оби пенистые крупные волны, в верхушках кустов и деревьев завывает ветер, а здесь затишье и только легкое пологое волнение, не способное перевернуть манщики.

Ребята расширили свой старый скрадок, поставили чучела, мастерски изготовленные самим Михаилом. У старого кострища за прибрежными кустами разложили брезент, одновременно служивший и сиденьем, и скатертью. Пока пили чай, я расхваливал бокфлинт и как бы в доказательство прямо от костра сбил соксуна-широконоску и сделал дуплет по чиркам, налетавшим из глубины залива.

«Так, понятно, твой мушкет позволяет тебе стрелять после нас», — сказал Михаил. Повторилась методика мигуновского болота на Пуре. Родственник стрелял только подсевших уток, Михаил делал один выстрел по сидящим, второй — по взлетавшим. Если уток было много, вместе с ним поднимался и я. Однажды среди чучел села стая турпанов. После первых выстрелов они не взлетели, и ребята взяли на воде еще двух. Пару из поднявшихся снял я, причем самых крупных, с плотным оперением, северные морские утки были сбиты наповал четверкой. Еще один плюс в пользу «ИЖ-12».

Конечно, в шторм утки пролетали очень редко, прятались гдето под защитой кустов, «в заталье», как говорили местные охотники. Но за ночь мы насобирали штук 15 трофеев. К началу работы напарники собрались в поселок по каким-то школьным делам. Кострище тщательно разгребли, под метелку вычистили от углей и золы и застелили брезентом. На этой постели с подогревом я и проспал до их возвращения в конце дня.

Ветер к тому времени стих, пригрело солнце. На брезентовом ложе состоялся торжественный охотничий ужин. Катравож в те годы был богат рыбой круглый год. Рядом чистейшая, не подвергающаяся зимнему «замору» Собь, текущая с Полярного Урала, и Обь, где до поздней осени ловились осетры, муксуны, пелядь, чир, сиг, а нельма — и зимой подо льдом. Всю эту ихтиофауну представлял огромный жирный муксун, засоленный «колодкой», то есть в непотрошенном виде под прессом. А вот что из нашей добычи будет приготовлено экзотическое блюдо, не мог и подумать. Жаренные в русской печке шилохвости были нафаршированы бело-желтой тонкой и длинной крупой.

- Откуда у вас такой фирменный рис, спросил я.
- Из колхозной конюшни, ответил Михаил, это конский рис, овсяная крупа.

Конечно, овсянка была из магазина, но название оправдано — нисколько не хуже риса и прекрасно дополняло специфический вкус дичи.

На вечерней зорьке пошла проходная утка, и мне удалось сделать несколько красивых дуплетов и штыковых королевских выстрелов. На утро мы уже не остались, поскольку в Салехард уходил попутный катер.

Итак, за два «послесовхозных» года всего четыре охоты и то урывками и с оглядкой, не осудит ли начальство за поездки в служебные командировки с ружьем.

— Нет, партийная карьера не для меня, охота и природа дороже всего, — принял я в душе несколько патетическое, но абсолютно верное решение, у которого была еще одна причина — та самая

тяга к перу, которая и определила всю мою дальнейшую жизнь. Осенью редактор окружной газеты «Красный Север» Любовь Гавриловна Баженова добилась перевода меня к себе заместителем «в порядке укрепления кадров». Снова пришла относительная свобода в поездках и возможность брать по необходимости хотя бы несколько дней для охоты в счет отпуска.

До желанной весны надо было еще пережить на редкость даже для Приполярья суровую и жесткую зиму. Рано она воцарилась и неохотно сдавала весне свои позиции. Где-то в конце марта в морозный и ясный день появился на солнечной стороне первый притай, повисли сосульки, прилетел первый южный гость орлан-белохвост. 27 марта снег впервые стал мягким, почувствовалась оттепель, но только до вечера.

Более сильное потепление с наступающей капелью было 2-4 апреля. Потемнели дороги, побежали ручьи, появились небольшие проталины, прилетели кочующие птицы пуночки и вороны. А потом снова мороз и северный ветер.

Казалось, весна совсем рядом, чувствовалось ее дыхание. Так было 12 апреля, когда пошел мокрый снег. Но зима еще больше рассвирепела и сорвала свои собственные проводы 17 апреля. И только 24 апреля началась настоящая оттепель с бурным таянием снега. Большие проталины образовались даже на ровных местах, на льду рек — много воды (наледи).

Весна перешла в последнее решающее наступление. Несколько теплых дней — и исчез снег на южных склонах и ровных местах. Только в зарослях да глубоких оврагах остались темные зернистые сугробы. Вода стала заливать пойменные луга. На горных речках, бегущих с крутых коренных берегов Оби и вбирающих в себя бурные воды ручьев, пошел лед. Дружно, почти одновременно начался пролет хищников и чаек, лебедей и гусей. Вместе с ранними речными утками — шилохвостью, свиязем, чирком, широконоской — прилетели и нырковые: хохлатая чернеть, морянкааллык, гоголь, крохали — луток и средний. Только прилет куликов и мелких воробьиных птиц несколько задержался.

23 мая на Полуе у Салехарда в нескольких местах разорвало ледяные поля. 24 мая уровень на Оби у Ангальского мыса составлял 328 сантиметров; суточная прибыль — 15 сантиметров. За последние девять лет более низкий уровень наблюдался на эту дату только в 1958 году — 285 сантиметров и в 1964-м — 304, а самый высокий за эти годы был в 1962 году — 516 сантиметров. Ледоход на Оби начался 31 мая, а пиковый уровень (2 мая) составлял 581 сантиметр. Более высокий показатель — 602 сантиметра — был за время моих наблюдений только в 1959 году.

Чтобы встретить первую утку, я оформил пятницу в счет отпуска и пригласил в напарники Сашу Касьянова, друга моего брата Володи. Вечером в четверг, захватив небольшую палатку, мы на двух калданках поехали к заветному мысу у Карыч-Могота. Промерзнув на мысу три дня и беспрестанно гоняясь за манщиками, унесенными сильным течением или заплывшими из Полуйского сора случайными льдинами, мы уток почти не видели и взяли только одного лутка. Зная, что традиционная охотничья шурпа из него не получится из-за рыбного запаха, мы сняли перо вместе с кожей и затушили добычу в котелке с картошкой, луком и перцем. Вкусный ужин вдохновил нас остаться еще на одну ночь в надежде на утреннюю зорьку понедельника.

Но утка так и не пошла. Чтобы не опоздать на работу, мы пораньше поехали домой. Выехав из Карыч-Могота в правый рукав Полуя у Монашкина острова, поняли, что зря поехали к горе, надобыло пробираться на пойму. С Черкашинского на Поляптинский сор то и дело перелетали стайки серых уток. Две из них, вылетев из-за острова, попали под наши выстрелы. С предельной высоты мы красиво сняли по селезню-шилохвосту.

Тут я вспомнил рассказы отца о том, что наиболее смелые и рисковые охотники 30-х годов, несмотря на сильное течение и большую глубину, садились на верхнем мысу Монашкина острова, выставляя чучела на прочных шнурах с тяжелым грузом. Но нам повезло — часть мыса до кустов была затоплена, к тому же на мелководье образовалась заводь из-за севших на мель ледяных полей.

Только расставили манщики и начали маскироваться в кустах, как на посадку пошла стая хохлатых чернетей, наверное, штук пятьдесят. Заметив нас, утки смешались и стали разлетаться в разные стороны. Прозвучали два результативных дуплета. За полчаса, которые остались в нашем распоряжении, были и подсады, и налеты проходных стай, красивые штыковые и угловые выстрелы. Вот такое охотничье везение после семи неудачных зорь.

И, наконец, небывало комфортная многодневная охота. Старый друг, управляющий отделением «Сельхозтехники» Владимир Пуртов, предложил «обкатать» только что полученный катер ТБС. Аббревиатура расшифровывается как «траловый бот стальной». Небольшое металлическое суденышко, оснащенное двадцатисильным дизелем, имело носовой кубрик на четыре койки в два яруса, а на корме площадку для рыболовных снастей, на которой свободно умещались две калданки.

Саша Касьянов, родом из Казыма, хорошо знал хантыйский язык и охотничьи угодья по реке Собты-Юган у юрт Юган-горт,

где жили его знакомые рыбаки и охотники. Очень высокий уровень воды позволил нам свободно, не боясь мелей, проделать более чем стокилометровый путь к юго-востоку от Салехарда.

Катер отшвартовали на противоположном от селения коренном берегу. Деревья здесь были более высокие и стройные, лиственницы — не изогнутые в причудливые фигуры северными ветрами. Кроме леса, разлив окаймляли пойменные гривы с пролетными выдающимися мысами, большинство которых было затоплено. Мои более молодые спутники сделали в своих скрадках мостки из четырех прочных таловых рогулек, на перекладины между них положили накат из толстых веток, а сверху кучей — мелкие ветки. Не очень устойчиво, но сухо.

Я выбрал место недалеко от стоянки катера, на стыке леса и поймы. Неглубокий залив предполагал пролет только серых уток, что меня, не любителя стрелять нырков, вполне устраивало. Только однажды издалека сначала услышал, а потом заметил черную «нитку» синьги, летящую на скрадок. Я встал, но утки не обратили внимания и, пересвистываясь, летели своей дорогой. Не желая упускать королевский выстрел, я все-таки выцелил одного и нажал на спуск. Красноносый и черный, как головешка, селезень упал в основание скрадка. Удар был такой сильный, что упади он выше, шапка бы точно слетела с головы.

Серых уток было уже мало, зато справа от меня к узкому мысу. на котором сидел Владимир, то и дело подлетали и садились разные нырки. Сашин скрадок был не виден, но выстрелы также слышались часто. Я чувствовал себя как на курорте. Погода стояла теплая, сухая и безветренная. Часто ходил к катеру пить чай. Наблюдал за большими кроншнепами, которые, токуя на лету, устремлялись к лесным болотам. Ездил на лодке между пойменными островами, где на затопленных талинах запоздало «булькали» тетерева. Наблюдал, записывал.

В разливах было очень много рыбы, вместе с традиционными щуками, язями и сорогами в нашу сеть иногда попадали окуни и караси, выплывшие из озер. А однажды запутался случайно перезимовавший сырок (пелядь), узкий и тощий, которого тут же съели «на малосол».

Обратно шли напрямую сорами, ориентируясь по огромным полям ярко-желтых калужниц, поднимающихся из-под воды, очер чивая берега проток. Анекдотическим штрихом той охоты быль привезенная назад бутылка водки, которую обнаружили в гореде при разгрузке катера.

Как, наверное, заметил читатель, в прошлом году я не расска зывал об окольцованных птицах. И этой весной получил тольк

две метки. Поэтому решил обратиться к охотникам со статьей о значении и пользе кольцевания.

ИЗ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ СЕВЕР» ОТ 24 ИЮНЯ 1964 ГОДА КОЛЬЦА РАССКАЗЫВАЮТ

Тысячекилометровые перелеты птиц давно привлекали внимание человека. В старинных преданиях и сказках, в песнях и стихах люди образно и проникновенно рассказывали о перелетных птицах, часто ассоциируя настроение литературных героев с прилетом скворцов или грачей, с пролетающей журавлиной стаей. Да и сейчас, в наш космический век, у кого не вызовет волнения прилет первой весенней птицы?! В начале апреля появляется у нас вестник полярной весны — маленькая пуночка-подорожник. А чуть позже, с появлением в тундре проталин, раздаются в небе серебряные трубные возгласы лебедей. За ними прилетают хищники: канюки, соколы, совы, луни.

Трясогузка-ледоломка дает сигнал ледохода, и над обскими просторами идут строгие косяки гусей, менее стройные стаи казарок и утки, утки... всевозможных расцветок, около двух десятков пород. А кроме них, чайки, кулики, всякая певчая мелкота. Каких только звуков не услышишь тогда в ожившей тундре.

Какие могучие инстинкты заставляют их покидать теплые страны, летать навстречу холодным ветрам северной весны, снегопадам и штормам, внезапным рецидивам зимы?

Как метод изучения этих перемещений, развивалось кольцевание птиц. Еще в начале нашего века во многих странах мира были созданы учреждения, занимающиеся организацией кольцевания и сбором информации о встречах помеченных птиц.

В России мечение птиц впервые было начато в 90-х годах прошлого столетия. После Великой Октябрьской социалистической революции кольцевание птиц в СССР стало проводиться организованно, стандартными кольцами с 1924 года. Было создано бюро кольцевания или, как его теперь называют, Центр кольцевания и мечения диких животных. За все время окольцовано более двух миллионов птиц.

Благодаря этому стало известно, что многие пернатые гости севера совершают каждый год путешествия на десятки тысяч километров. Небольшая чайка, полярная крачка, улетает к берегам Антарктиды, золотистая ржанка — в Америку, а маленькая птичка пеночка-таловка — на острова Индонезии. В жаркой Африке зимуют широко распространенный у нас кулик-турухтан, а также сокол-кобчик и стриж.

На юге Индии проводят зиму гуси-гуменники, крохали, кроншнены, вальдшнены, кукушки. Много лебедей, серых гусей, казарок, чаек, различных уток остаются на зиму в южной части Каспийского моря.

При помощи кольцевания установлено, что примерно половина уток, гнездящихся в Западной Сибири, зимует в странах Западной Европы (от Голландии и Англии до юга Франции), а часть и в Египте (шилохвость).

По собранным нами данным за последние шесть лет в окрестиностях Салехарда чаще встречались утки, помеченные французскими кольцами. Так, на одном сравнительно небольшом острове обской поймы в 1960, 1961 и 1964 годах добыты селезни хохлатой чернети, окольцованные в заповеднике Камарг на Средиземноморье.С метками Камарга подстрелены чирок-свистунок в 1961 году и морская чернеть — в 1963-м.

В 1961 году добыт чирок-свистунок, а в 1964 году — свиязь, помеченные в голландском заповеднике (провинция Северный Барбант). В 1964 году в окрестностях Салехарда добыты три хохлатые и морская чернети с датскими кольцами, хохлатая чернеть с финским, свиязь — с английским и утка, порода которой, к сожалению, не определена, — с австрийским кольцом.

Особенно повезло салехардскому охотнику-любителю Дмитрию Булыгину. В 1963—1964 годах он подстрелил двух хохлатых чернетей с датскими метками и морскую с французской.

Интересные данные сообщались о селезне морской чернети. Эта птица добыта Булыгиным 26 мая 1963 года, а помечена 23 ноября 1953 года в первый год своей жизни на биологической станции Тур дю-Валя (заповедник, Камарг, Средиземноморье). Таким образом, утка проносила кольцо около 10 лет. Она ежегодно совершала перелеты по 4000 километров. Так кольцевание помогает изучать не только пути миграций, но и возраст птиц.

Нынче, в день открытия охотничьего сезона, первым обнаружил среди трофеев «летающий адрес» салехардский охотник Матвей Сигильетов. Это был селезень-свиязь, помеченный в Дании. На кольце надпись — «Зоологический музей, Копенгаген, Дания, N 448577». 5 июня добыл хохлатую чернеть с датским кольцом салехардец В.И. Уткин.

В последние годы метод мечения стал широко применяться для решения вопросов, связанных с различными научными и практическими проблемами использования животных ресурсов. В частности, в нашем округе проводилось мечение белого песца, некоторых рыб и водоплавающих птиц.

Кольцевание — важное научное дело, поэтому каждый охотник, добыв окольцованную птицу, должен передать метку с указанием вида, пола, места и даты добычи трофея в охотничье общество или отправить по адресу: Москва, В-331, Кравченко, 12, Центр кольцевания.

Н. Патрикеев.

Последние две весны в Салехарде оставили самые счастливые воспоминания на всю жизнь. Заранее и на весь срок охоты мы на лодках-«казанках» с подвесными моторами отправлялись в Кунжолы — место недалеко от выхода из Большой Оби ее мощного рукава — Игорской Оби. 1967 год запомнился не только великолепной охотой, но и необыкновенно противоречивой весной. А такая небывало мягкая, малоснежная зима, как тогда, по словам всезнающих старожилов, была в наших местах только в 1918 году. Привычные к колючим буранам северяне все время ждали решительного поворота в погоде, поговаривали об ожидаемом урагане.

И поворот произошел... Десятого-двенадцатого марта прошли сверхранние оттепели с капелью, неумолкавшей даже по ночам. Недаром, оказывается, синица пропела свою первую весеннюю песню еще в феврале. Птицы чуют погоду — гласит народная мудрость. И действительно, стоило в конце марта появиться первым кочующим пернатым пуночкам-подорожникам, а за ними серым воронам, как в начале апреля началось бурное таяние снега. Из перелетных птиц первым пожаловал еще в марте орлан-белохвост, а в середине апреля лесотундра услышала трубные клики лебедей.

Почувствовали тепло и растения. У деревьев и кустарников раньше обычного началось сокодвижение. На ивах лопнули цветочные почки, украсив ветви серебристыми пушинками. На защищенных от ветров проталинах по южным склонам кое-где пробилась даже зелень травы, спровоцированной ранним теплом.

Уровень воды в Оби на 20 апреля составлял 20 сантиметров, а 21-го он увеличился на семь сантиметров — своеобразный рекорд природы за последние десять лет, когда суточная прибыль в эти дни была от нуля до двух сантиметров. Тем не менее пиковый уровень половодья — 473 сантиметра — стал самым низким за одиннадцать лет, а ледоход (18 мая) самым ранним.

Обманутые первым теплом, еще в конце апреля прилетели к нам многие перелетные птицы: гуси, утки, чайки, некоторые кулики, и певчие — трясогузки, дрозды, рогатые тундровые жаворонки-рюмы. Но вскоре пришлось большинству из них срочно возвращаться в более теплые места.

Помню, 30 апреля было так тепло, что я в одной ковбойке с закатанными рукавами красил во дворе гусиные профили. Предчувствие скорой охоты укрепилось легким дождем и отдаленными раскатами грома. Но утром проснулся от необычной темноты в комнате. И не поверил своим глазам — окна были больше чем наполовину занесены снегом. Хорошо, что входная дверь открывалась внутрь — во двор пришлось пробиваться с лопатой.

Морозный буран сковал полые воды. Шестого мая снегопад повторился. Свирепствовал холодный норд. Кругом стало бело и пустынно. Только 13 мая потянул южный ветер, заморосил дождь,

стали появляться стайки пернатых.

Тронулись в путь и мы. На одной лодке Володя и я, а на длинном буксире две наши калданки с привязанными мешками пенопластовых манщиков. На другой — Бориска с другом Валерой Банниковым. У них на двоих одна калданка. Первые дюралевые лодки-«казанки» были очень легкими, где-то около 90 килограммов, и имели гофрированное на всю длину дно. Преодолевать на них ледяные поля было проще — скользили, как сани. Первым серьезным препятствием стал Полуйский сор, разлив которого был схвачен ледяной коркой, достаточно прочной для того, чтобы разбивать ее с ходу. Как бы то ни было, проход до основного руслового льда сделали, но он, разъеденный апрельской оттепелью, оказался хрупким, и перетаскиваться через него было опасно. Вдруг лед пришел в движение. Наша лодка стояла на разводье, а Борискина ближе ко льдам, и на нее наехала тонкая, но крепкая льдина. Раздался ледяной хруст, захрустел, казалось, и легкий корпус дюральки, которая стала медленно дрейфовать. В какието секунды Володя перебросил брату эмалированную кружку на шнуре от манщика. К шнуру сообразили привязать прочную веревку-фал. Ребята стали разбивать льдину пешней и лопатой, а мы подтянули их к своей лодке. Затем без приключений через Хадар и Харпосл вошли в Собты-Юганский сор, откуда протоками к Игорской Оби, к стойбищу «Чум Елены», знаменитой оленеводки, охотницы и рыбачки.

— Лед слабый, однако, как тащить лодки будете? Проверять надо, — сказала хозяйка, встретившая нас как старых знакомых.

Она переехала закраину на своей калданке с каким-то родственником, который остался на кромке ледяной полосы ждать ее возвращения. А сама, вооруженная пальмой — палкой с кованым лезвием на конце, возглавила наш караван, показывая, где лучше протаскивать лодки. Так мы перебрались к устью большой протоки Хорня, сплошь забитой льдом, и остановились на ночлег в избушке, предназначенной для сенокосчиков.

Вечером выходили на ближайший разлив, чтобы подстрелить пару уток на суп, но лёта почти не было, хотя днем по сторонам можно было наблюдать отдельные стайки уток, гусей и лебедей. Ужинали сваренной на железной печке картошкой.

Утром нас разбудила настоящая канонада ледохода. Громадные ледяные поля с невероятным треском и шумом, а скорее, громом начали медленное движение. Края их обламывались под неудержимым напором и громоздились причудливыми сахарнобелыми и серо-зелеными глыбами.

Как велика и непреодолима сила ледохода! Вот появляется среди льдин огромный неводник, разворачивается поперек реки бортами и за мгновение превращается в сломанные доски, торчащие под разными углами из-под воды. После полудня Хорня очистилась. По ней мы выехали на Игорскую Обь, где у кромки льда скопились несметные стаи уток и лебедей. Предстоял массовый пролет птиц.

Наши места, уже освоенные отцом и братьями, были между Игорской Обью и Хорней, соединяемыми Кунжольской протокой. Здесь утки, летящие над Большой Обью, сворачивали правее на Игорскую Обь и Хорню. Часть их шла через Полуйский сор в верховья Полуя, часть — к Салехарду, где над Кысканами снова вылетала на Большую Обь. Место выхода на прямую дорогу словно магнит притягивало утиные стаи.

Вот и знаменитый мыс на повороте в Кунжольскую протоку. Самое пролетное место, где обычно сидел отец. Метрах в пятидесяти стан, там мы основательно, в расчете на сильный штормовой ветер, установили большую палатку, лично сшитую Володей на старинной машинке «Зингер» из тонкого брезента. В торце аккуратно и прочно вделанное заднее окно от автомобиля «ГАЗ-69», справа от входа маленькая железная печка. Комфорт дополняли одноконфорочная газовая плита, вделанная в круглый никелированный медицинский стерилизатор, и большая сковорода.

Володя и Борис с товарищем собрались на вечерник к своим скрадкам на острова по Хорне. А мне показали старый кыскан в разливе за Кунжольской протокой. У него оказалась такая же конфигурация, как на Хадаре, только в зеркальном изображении. Интересно, что сама просека заросла, а местом снижения и пролета были две сходящиеся к сору протоки. Я поставил скрадок на берегу разлива, и утки летели как бы с трех сторон — по сору и двум протокам. Манщики, расставленные дугой, были видны по всем направлениям. Справа были высокие кусты, где я прятал калданку и время от времени грел медный чайничек на небольшом костерке. Удобным переносным сиденьем и кофром служила

так называемая кинобанка, нечто вроде бачка с верхней герметичной крышей для перевозки фильмов. В ней помещалась пара двухкилограммовых банок из-под осетровой икры, в которые входила сотня патронов, фотоаппарат, блокнот и солнцезащитные очки, абсолютно необходимые весной на Севере.

Со мной были оба ружья. «ИЖ-12» для дальних налетов с пятеркой в нижнем и четверкой в верхнем стволе. «Зимсон» с шестеркой в обоих стволах предназначался для стрельбы на ближних расстояниях, для добивания подранков, а главное, для охоты на чирков. Но пострелять их в первый вечерник не удалось. Как обычно, в двенадцать часов ночи они полетели, но не на мой скрадок, а правее метров на пятьдесят и прямо сквозь кусты над заросшей просекой. Поэтому я «каждый вечер в час назначенный» выходил к этим кустам на самую спортивную часть охоты. И как когда-то на Хадаре, чирки пролетали мимо меня чуть ли не под ногами. Одного свистунка я сбил королевским выстрелом с небольшой высоты. Скорость была такая, что, вытянув шею и сложив крылья, он упал где-то сзади в редкие сухие кусты. Найти его я не смог, как ни старался.

В тот вечер наблюдал картину лебединой дружбы и верности. Сначала услышал тревожные крики лебедей. Мой сор пересекала четверка птиц. Одна из них, судя по размерам, самка, была ранена и из последних сил держалась в воздухе. Три другие летели под ней и, меняясь местами, словно старались поддержать ее своими крыльями. Постепенно снижаясь, стая села на соседний разлив за кустами и громко кричала всю ночь.

Утром на противоположный берег моего разлива опустилась только тройка лебедей. Подранок явно погиб. Пара держалась рядом, а когда осиротевшая птица пыталась приблизиться к собратьям, они принимали угрожающие позы и отгоняли ее. Вдовец, а я убедился в этом, когда он пролетал недалеко от меня, как огромный корабль, еще долго кружился над разливами и под конец издавал уже какие-то хриплые звуки.

В душе невольно сложились строки:

Не найдет он другую подругу — Лебединая песня одна.

Нет сильнее разлуки недуга, Когда рядом бушует весна!

Утро было теплое, тихое, солнечное. На зеркале разлива поблескивали белыми боками отдыхавшие хохлатые и морские чернети. Вокруг носились свадьбы местных шилохвостей, свиязей и чирков. По берегам суетились мелкие кулики. Бекасы чертили в высоте свои синусоиды и спирали, взлеты и падения, сопровождаемые звонким блеянием. Но пролетных уток было мало.

Философское настроение снял смех Володи, приехавшего за мной на мотолодке.

— Ты зачем уток так высоко развешиваешь, чтобы лучше проветривались?

Я проследил за его взглядом и увидел вчерашнюю пропажу—чирка, висящего в развилке талины.

На стане у костра только и говорили, что утки перестали активно летать. А причина была обычная — птица предчувствовала смену погоды. 20 мая прошел сильный снегопад с морозом, загнавший нас в палатку к теплой печке. «Фирменное» окно покрылось тонкими ледяными узорами. До конца месяца было еще два холодных бурана. Как говорили охотники, пришлось сматывать манщики до конца сезона.

Обманчивая, сумбурная весна с самым ранним ледоходом и самыми поздними морозами принесла необычные находки окольцованных птиц. Салехардцы Роман Хотин, Владимир Белых, Павел Кравцов и Дмитрий Сязи из пригородного поселка Пельвож добыли шилохвостей, помеченных в нашей стране. На метках, кроме номера, призыв: «Сообщи в бюро кольцевания, Москва». Отечественные кольца мне передали впервые за семь лет сотрудничества с Центром кольцевания. Полной неожиданностью была добыча В.П. Бодровым синьги со шведской меткой «Стокгольм. С 9008120». По сообщению Центра кольцевания, до последнего времени данных о мечении уток этой породы не было. На таком фоне привычной казалась датская метка с надписью: «Зоологический музей. Копенгаген. № 434506», снятая салехардцем В.Н. Кислицыным с хохлатой чернети.

Весной 1968 года я уже знал, что вновь придется покинуть Салехард и снова на два года. Потому больше наблюдал, больше записывал, старался как можно чаще бывать на природе. Весна проявила себя сильной оттепелью, еще в начале апреля побежали ручьи, ожили почки деревьев и кустарников. Прилетели с юга кочующие птицы: пуночки, серые вороны, а еще раньше орланбелохвост. Но через неделю снова похолодало до конца месяца. Окончательный перелом принес май. Весна сразу заявила о себе почти круглосуточными плюсовыми температурами.

На открытых склонах — большие проталины. Кое-где наметились темные берега рек. Шумные потоки неслись по оврагам, разливаясь целыми озерами по низинам. Уровень воды у Салехарда на 5 мая составил 105 сантиметров, суточная прибыль — девять сантиметров. Это самый высокий показатель за последние пять лет.

В воскресенье, 5 мая, прошел очень ранний весенний дождь, неожиданно повлиявший на нашу с Володей гусиную охоту. Накануне по шпалам «мертвой» железной дороги мы ушли километров за десять вдоль Полуйской горы. Нашли хорошую проталину с небольшим снеговым разливом, выставили профили и хорошо замаскировались в прибрежном сугробе. Обсушившись после дождя у костра, засели в скрадке и вскоре заметили, что прямо на нас вдоль берега летит гусь. Он не пошел сразу на посадку, а стал огибать профили в разведочном облете. Уже почти замкнув дугу, гусь вдруг резко стал подниматься и отворачивать. Он увидел за кустами у стана развешанную для просушки темную куртку. Больше налетов не было.

Пеший выход на «гусевание» в следующий выходной день был также мокрым и неудачным. Переждав долгий, настоящий обложной дождь, растопивший громадные снежные сугробы, мы повторили нелегкий путь по «железке». Если наступать на каждую шпалу, получаются очень короткие шаги, между ними углубления, а через шпалу уже надо подпрыгивать. Но дошли, обосновались и... услышали первые раскаты грома. Подумали, что опять попадаем под дождь, но из темной тучи посыпался крупный, с горошину, град. Матовые ледяные шарики застучали по земле, застывая в причудливую мозаику. Резко похолодало, подул сильный северный ветер, который мог помочь мне добыть все-таки гуся. Но я поторопился, обстреляв налетевшего гуменника под углом, и тут же порыв ветра нанес летевшую птицу на расстояние верного выстрела. Здесь я и принял решение купить полуавтомат «МЦ 21-12», довольно дорогой для меня, но уж очень заманчивый.

Правдами и неправдами мне досталось последнее из шести привезенных в город таких ружей в экспортном исполнении. Узнал об этом от Саши Касьянова, работавшего водителем у очень влиятельного лица. Для него и попутно для себя Саша купил дефицитные ружья. Зная, что жена руководителя (не охотника), приобретавшего ружье для престижа, против покупки, водитель привез коробку на квартиру «хозяина» и стал собирать, при этом муфту на пружине магазина поставил выемкой наоборот. Увидев, что ружье не складывается, «хозяйка» тут же приказала отвезти его в магазин и вернуть деньги. Их, конечно, отдал я, а разрешения милиции на гладкоствольное оружие тогда не требовалось. Я просто записал его в охотничий билет, заплатив в банк госпошлину в сумме пяти рублей.

На другой день, взяв для сравнения два «Зауэра», «Зимсон» и три «ИЖ-12», поехали с отцом и братьями загород к заброшенному складу с высоким дощатым забором. Идеальное место для

сравнения кучности и резкости боя. Нарисовали углем шесть черных кругов сантиметров десять в диаметре. Из старых ружей стреляли с упора на 35 метров, из «МЦ» — усиленными на 0,2 грамма зарядами пороха «Сокол» и на два грамма снарядами дроби \mathbb{N}_2 4 — с сорока метров. Круги осыпи и резкости были почти одинаковыми.

Полуавтомат стал украшением моей охоты на пятнадцать лет и подвел только однажды в первые годы, когда выпускались гильзы из мягкого картона. Мельчайшие частицы попали под шептало и заблокировали спуск. Конечно, к нему надо было привыкать, так как из длинного ружья труднее стрелять навскидку. Поначалу, делая второй выстрел, машинально искал второй спусковой крючок.

К сожалению, наши славные оружейники, я не имею в виду конструкторов, впоследствии превратили «МЦ 21-12» не только в ненадежные, но и в непривлекательные внешне ружья с «рубленными топором» березовыми прикладами и шершавыми, словно покрытыми масляной краской, стволами.

Событиями той недели были также прилет скворцов, отмеченный впервые за многие годы, и высокий уровень воды, вселявший надежду на достаточно ранний ледоход. На 13 мая он составил 224 сантиметра, суточная прибыль — 39 сантиметров — самая высокая на указанную дату за последние пять лет, когда она колебалась от четырех до двадцати сантиметров. Особенно бурно прибывала вода на станции Полуй, где уровень на 10–12 мая был соответственно 314, 406 и 487 сантиметров.

Но главное — это первый выезд на охоту сына в возрасте пяти с половиной лет, почти на год раньше, чем я. Утром в выходной день Володя подвез нас на машине почти к самым Кысканам, к которым уже близко подходили городские постройки. По высокой сухой гриве мы прошли до залива, где я построил настоящий скрадок и выставил чучела. Уток было очень мало, только дветри стайки пролетели по сторонам. Видели несколько чаек, канюка и кроншнепа, пролетевшего почти на выстрел.

Вдруг затринькал чирок-свистунок, незаметно подсевший к чучелам. Я показал его сквозь ветки Андрею, затем встал и выстрелил из «МЦ» по взлетевшей утке. Чирок упал у самого берега. Сын сбегал за ним и больше не выпускал из рук. Через какое-то время Андрей сказал:

- Папа, не стреляй больше из этого ружья.
- Почему?
- Оно очень громкое.

Домой мы поехали на рейсовом автобусе. Пассажиры с интересом смотрели на юного охотника с висящими на ремне через плечо складным охотничьим ножом и нашим единственным трофеем.

Здесь я сделаю авторское отступление, чтобы закончить свои мысли о качестве ружей. «ИЖ-12» я подарил сыну, и в девять лет он добыл свою первую утку-шилохвость. В 1973 году приобрел «ИЖ-12» 12-го калибра в штучном исполнении — изящное безотказное дальнобойное ружье, с которым охочусь на уток до сих пор. Полуавтомат использовал в основном весной и на перелетах поздней осенью, а в конце 70-х годов также подарил сыну. С ним он охотился около двадцати лет. Сейчас оба ружья, не потеряв внешнего вида, а «ИЖ-12» даже с заказной ореховой ложей, висят у него на стене, как музейные экспонаты. Так как российские современные серийные ружья в силу своей «топорности» в отделке и сборке и частых отказов механизмов у настоящих охотников перестали «пользоваться авторитетом», на вооружении у Андрея бокфлинт «Меркель» и полуавтомат «Бенелли». Оба выпущены серийно, но, сравнивая их с моим купленным в середине 90-х годов специально для стрельбы бекасов и дупелей «ИЖ-27 СТК» ручной сборки («Handwork»), имеющим укороченные сменные стволы цилиндрической сверловки, скажу, что «иномарки» далеко впереди по дизайну, подгонке деталей, качеству и внешнему виду металла и древесины. У «ИЖ-27 СТК» с ними соперничает только бой, а вот ложа и колодка подогнаны не везде впритирку, верхние края прицельной планки местами шероховаты, воронение стволов слишком темное, почти до черноты, очень слабый экстрактор и сравнительно тугой первый спуск. Древесина на ложе очень качественная, но цевье плохо отполировано и выглядит как дешевая лакировка. Непрактичен деревянный затыльник, на который, чтобы не замочить, приходится надевать кожаный сапожок, мешающий быстро и точно приложиться.

Разумеется, все это мелочи, с которыми можно мириться ради качества металла, точной сверловки стволов и прекрасного боя из обеих сменных пар. Я остаюсь патриотом русского оружия и надеюсь, что безжалостный рынок заставит российских оружейников работать на уровне мировых образцов.

И в заключение дневниковые записи моей последней весенней охоты на Ямале. Во вторник, 21 мая, в 14 часов поехали по закра-ине вдоль правого берега Полуя. К прошлогоднему составу присоединился давний знакомый Виктор Мамеев на «казанке» с мотором «Москва-М», известном своей ненадежностью и самыми неожиданными отказами работать. Виктор, конечно, это знал, но из-за традиционного недоверия к отечественной технике не взял

только что приобретенный вдвое более мощный «Вихрь-20». И, оказалось, зря. Не прошли и трех километров, как в створе Монашкина острова «Москва» заглохла. Борис съездил с Мамеевым за «Вихрем», который тоже не стал заводиться. Только в 17 часов медленно пошли против течения с мамеевской лодкой на буксире. К этой неудаче следует добавить, что с утра, не переставая, шел дождь.

В устье Карыч-Могота перетащили три «казанки» и четыре калданки через полоску серединного, поднятого льда к левому берегу. Там, где протока стала вплотную примыкать к лесистой горе, едва переправились к правому берегу, затем еще раз к левому, чтобы попасть в Полуй.

Тут как по заказу завелся «Вихрь», перестал идти дождь и потеплело так, что мы сняли меховые куртки. Но скоро русло реки исчезло в Полуйском сору. Там дважды пришлось перетаскиваться не через сравнительно узкие полосы, а через ледяные поля, широкие и обманчивые.

Уже рядом с Хадаром, куда нам было нужно попасть, мы, как обычно, тащили моторку впятером — один впереди, перекинув через плечо фал, четверо по бокам. Я был замыкающим справа. Вдруг Валера Банников стал проваливаться сквозь разъеденный теплом лед, держась левой рукой за лодку. Я, еще крепче вцепившись за лодочную ручку, схватил его за воротник и поддержал. Хорошо, что промоина оказалась небольшая, в непромокаемых мешках был запас теплой одежды, а в семилитровой авиационной канистре — спирт-ректификат.

Перед нижним устьем Хадара еще одна преграда — слой смерзшихся льда и снега, хорошо, что сравнительно тонкий. В ход пошли пешня, лопата, металлические весла и обязательный в таких случаях багор — длинная палка с металлическим крючком на конце. Пробившись в протоку, столкнулись со льдинами, плотно прижавшимися к берегу. Тогда по пояс в снегу рубили прибрежные кусты и тащили лодки до чистой воды. Если сказать, что очень устали, значит, ничего не сказать.

Ночевать пришлось не на горном лесном берегу, где была защита от ветра и много дров, а на заснеженной пойменной гриве. Выбрали кусты повыше и погуще, развели костер, что-то сварили, что-то выпили, залезли в палатки. Было очень холодно. Вечером стаи уток полетели на юг.

Утром потеплело, но пошел дождь. До Харпосла пробивались полдня: те же перетаски, лавирование между ледяными полями, раскалывание льдин пешнями. И так от закраины к закраине, где заводили моторы. Последние километры, когда Хадар отошел от

коренного берега в пойму, вообще шли на веслах или проталкивались баграми через узкую снеговину.

Харпосл встретил нас чистыми закраинами, разделенными полоской более тонкого, чем в прошлом году, и заснеженного льда. Это определили Борис с Валерой, с ходу заезжая на край полосы. Осторожно перетащились и по «прямице» — проточке Могот, полностью высыхающей осенью и лишенной собственного льда, — выехали на чистую закраину до разрыва в ледяной полосе как раз напротив нужной нам горной речки Собты-Юган. Преодолев снеговину в устье, закусили и пошли вверх по речке. Однако впереди был сплошной лед. Пытались объехать его по Малому Югану, но около мыса Ямнел, где был мачтовый переход телефонной линии, снова столкнулись со льдом. Решили возвращаться обратно. А дождь так и не переставал. Чтобы обсушиться и переночевать, заехали в горную проточку к избушке знакомого охотника-промысловика Фомы Сибарева.

Ранним утром 23 мая мы были уже у лодок. Тихо, тепло, пасмурно. Тишина стала постепенно наполняться криками птиц. По берегам много куликов-турухтанов, фифи, перевозчиков, над водой — береговые ласточки, в небе время от времени видны утиные стаи.

За ночь затор в Собты-Югане около огромного Юганского сора разошелся, и мы спокойно прошли до протоки Посл-тай, выходящей на Игорскую Обь. Но в конце ее были непроходимые льды. Хотели пробираться по другой протоке в объезд, но и там сплошной лед. Пришлось стать лагерем. Пока устраивались, Валера добыл пару уток на хороший суп.

Поднявшийся утром сильный западный ветер чуть не сорвал палатки, но, как всегда, разорвал и разогнал облака, шедший всю ночь обложной дождь прекратился. На Посл-тае пошел лед, а вслед за ним тронулись и мы. Однако устье протоки оказалось забитым уже обским льдом. За битыми льдинами нетронутые светлые ледяные поля, а над ними после дождя струился легкий туман.

Володя поехал в калданке на разведку, несколько раз перетаскивал ее через льдины и выхода на чистую закраину не нашел, но узнал, что под противоположным берегом редкий ледоход. Оставалось ждать, когда пронесет лед с нашей стороны. Пока варили картошку и пили чай, что не успели сделать утром, льдины около нас зашевелились. Когда осталась небольшая полоса, мы покачали ее лодками и протолкнулись, потом перетащились через несколько льдин, плотно стоящих у берега. Только в 22 часа 30 минут вышли на чистую Игорскую Обь, врубив моторы на полную мощность.

25 мая в ноль часов 25 минут добрались до места. Кое-как смогли пришвартоваться из-за нагромождения на берегу толстых льдин, которые коническими торосами почти вертикально стояли до самых кустов. Оборудовав стан, в пять часов утра поехали на охоту. Володя отвез меня в кыскан и вместе с Борисом и Валерой направился к островам по Хорне. Мамеев, не останавливаясь на нашем мысу, напроход уехал вниз по Игорской Оби к своему постоянному угодью.

Охотились недолго, так как утки шли еще не очень интенсивно, хотя прилетели практически все их виды. Я взял с десяток серых и уже собирался домой, как заметил справа пару гусей, идущих на предельном расстоянии. В «ИЖ-12» были патроны с дробью № 1, и я обстрелял пискулек, тогда еще не занесенных в Красную книгу. Они скрылись за высокими кустами и тут же начали тревожно кричать. Звуки не удалялись, значит, птицы сели на ближайший разлив. Попищал в манок, сделанный из детской пластмассовой дудки, и через несколько минут над чучелами появился гусь. Я снял его четверкой из полуавтомата. Подобрал в калданку и сразу к разливу. Там за прибрежной глубокой снежной полосой шириной метров десять увидел второго сидящего на воде гуся. Забыв о патронташе, увязая чуть ли не по пояс в сугробе, подкрался к нему на, казалось бы, верное расстояние. Но так запыхался, барахтаясь в снегу, что после первого выстрела пискулька захлопал крыльями по воде и побежал, второй выстрел остановил его, но голова оставалась приподнятой. Снова форсирование снега за патронами и обратно. К счастью, гусь оставался на месте и стал моим трофеем.

Собравшись на стане, сварили целое ведро утиного супа, обменялись информацией о первой зорьке. Результаты у всех были примерно одинаковыми. Потом немного поспали и после традиционного чая снова к скрадкам.

Вечером на Большой Оби начался ледоход, и утка полетела невиданно дружно. Стай были видны повсюду, на разных эшелонах. Выше всех забирались свиязи — их свист был слышен с высоты, наверное, трехсот-четырехсот метров. Было тепло, ясно и сухо, дул свежий северо-запад. Взял двадцать уток — личный рекорд той охоты. Много красивых выстрелов с высоты, на штык и под углом. Стрелял из «МЦ», «ИЖ-12» стоял с крупной дробью для добивания подранков или обстрела гусей. Впервые взял с пяти выстрелов пять уток. Хитрые красноголовые нырки часто снижаются, но не садятся у манщиков, а пролетают мимо. Когда слева над сором появилась свадьба красноголовых — самка и пять селезней, я пропустил «невесту» и одного за другим положил всех

«женихов». За все годы моей охоты подобное случалось еще два раза — с чирками весной и шилохвостями осенью. Охоту закончили в три часа ночи. В расставленные на разливе сети запуталось несколько щук, язей и сорог. Сварили шикарную уху и отметили чаркой разведенного спирта удачную охоту. Володя добыл девятнадцать, ребята на двоих около тридцати.

Утренник 26 мая мы проспали и выехали к скрадкам только в девять часов. Основной лёт уже закончился, но я «насобирал» опять около десятка уток. Днем было очень тепло. Перед вечерней охотой подъехали с Володей по речке к Кунжольской горе с южной стороны. По сравнению с салехардской лесотундрой здесь был уже юг. Из леса доносилось запоздалое, но громкое «бульканье» тетеревов. В ивняке выделывала свои длинные, мелодически сложные и красивые коленца варкушка-синешейка, наш северный соловей, слышалась нежная песенка пеночки-таловки.

У птиц наступала пора гнездования, а кукушки тут как тут. Мы наблюдали тогда целые перелеты серых длиннохвостых разбойниц из леса в пойму и обратно, иногда по две-три рядом. Заметили, что порой кукушка ухает филином, а то совсем по-медвежьи рычит: «урр-к, урр-к»: Пугает, наверное, птичью мелкоту с гнезд, чтобы подложить свое яйцо. С одной стороны, вредная птица — вылупившийся кукушонок постепенно выталкивает из гнезда весь выводок птички-наседки. В то же время кукушка злой враг лесных вредителей, читал, что за час она может уничтожить до ста гусениц. Странная птица, но как бередит душу ее мистически проникновенное «ку-ку, ку-ку...». Вспомнились чьи-то строки:

Кукушки нежный плач В глуши лесной Звучит мольбой, Тоскующей и странной. Как весело... весной, Как мир хорош в своей Красе нежданной.

На вечерник мы прибыли своевременно — в двадцать часов, и правильно, потому что начался самый сильный пролет водоплавающих птиц. Не было момента, чтобы где-то в пределах видимости не пролетали утки. Валом пошла хохлатая чернеть. Ее стайки, завидев манщики, с большой высоты пикировали на посадку. Снова красивая результативная стрельба и около двадцати трофеев. Непривычной по цвету была вечерняя заря белой ночи. Как всегда, розовый, закат вдруг превратился в фиолетовый разлив над горизонтом.

Володя привез необычный трофей. Все с интересом рассматривали довольно крупную утку светло-серой окраски с темно-красными лапками и темным клювом. На крыльях большое ржаво-коричневое «зеркальце». Это была серая утка, еще называемая серухой или полукряквой, а такое «зеркальце» — ее видовой признак. Позже никто из знакомых охотников не смог припомнить случая добычи такой птицы. В «Большой советской энциклопедии» утверждалось, что распространение серой утки в северных районах исключено. Как показала в последующем моя более чем тридцатилетняя охота у слияния Иртыша и Оби, и в тех местах серуха встречается очень редко.

Утро 27 мая было таким же теплым, как все предыдущие, и одинаковым по результатам — привез девять уток. После чая Володя поехал в Салехард за отцом, а я, чтобы снять накопленную усталость, решил хорошо отоспаться. Сначала поднявшееся солнце нагревало палатку, но днем обской ледоход принес такое похолодание, что пришлось забраться в спальный мешок.

Разбудил меня уже под вечер друг детства Вениамин Бахмутов, потомственный охотник и охотовед по образованию. Он работал в Лабытнанги научным сотрудником стационара Уральского филиала Академии наук, а в будущем стал известным натуралистом и естествоиспытателем Северо-Западной Сибири.

Вскоре подъехали Володя с отцом и знакомые охотники-ханты из окрестных стойбищ Дмитрий, Антон и Прокопий. Пока готовился праздничный ужин, Володя и Вениамин осмотрели, отрегулировали и подремонтировали моторы на лодках гостей. Поделились с ними и привезенным из города бензином.

Из-за холода и ветра вечернюю и утреннюю зарю пропустили. Вечером 28 мая ездили с Вениамином в кыскан. Я обратил внимание на его неказистое, потрепанное в экспедициях ружье «ИЖ-58» 20-го калибра, но с прекрасным кучным и резким боем. Он снимал уток с такого расстояния, что я даже и полуавтомат свой не поднял бы. Вдвоем мы взяли около двадцати уток. Отец, обосновавшийся на своем мысу, добыл двенадцать. Рекорд побил Володя — 37(!) штук. Борис с Валерой стреляли из одного скрадка, и их личные счета нам были неизвестны. Но общие результаты не хуже, чем у других.

На другой день был штормовой западный ветер. Охотился только отец, так как у его скрадка было сравнительное «затишье». Ему был уже 61 год, он плохо видел правым глазом, но стрелял еще хорошо, ловко ездил на калданке подбирать убитых уток и поправлять перевернутые ветром чучела. За вечер опять добыл двенадцать уток.

30 мая ветер чуть ослаб, и все разъехались на вечерник. Но утка летала плохо. Результаты у всех неважные. Да и холодно было.

На следующий день ветер опять усилился и подул с юга. Отцу уже было не справиться с сильными прибойными волнами. Почти всех манщиков перевернуло или прибило к берегу.

— Посиди в моем скрадке, — сказал отец, — место «магнитное», налеты все равно будут.

Продуваемый насквозь холодным ветром с реки, я взял всетаки за вечер двенадцать уток. Почти все они падали в воду, и доставать приходилось с трудом, борясь с волнами. Трижды прозевал две пары и тройку серых гусей, налетавших сзади над самой водой. Впервые, наблюдая сверху, заметил, какие у них красивые сине-стальные спины.

1 июня ветер снова подул с запада, было также холодно. Я расставил отцовские чучела, и мы последний раз в жизни посидели в одном скрадке. И как в детстве, я следил за отцовскими выстрелами и ездил подбирать трофеи.

Холод усиливался. Все собрались на стане и начали готовиться к отъезду. Выехали в шестнадцать часов, а когда часа через два подъезжали к Салехарду, шторм разгулялся, на одежде и бортах лодок стала застывать вода...

Прошли десятилетия, а в памяти не стерлись эмоциональные впечатления, интересные наблюдения и поучительные уроки — все, что я видел и чувствовал за двадцать пять ямальских охотничьих весен. И думаю, читатель согласится со мной в том, что в отличие от других, весенняя охота на Севере более долгожданна, динамична и прекрасна, как сама весна, которая в быстрой, яркой и пестрой смене фенологических фаз: «весна света», «весна воды», «весна птиц» — оживляет, обновляет и радует не только окружающую природу, но и душу настоящего охотника.

Библиография

Книжно-журнальные публикации Н.Б. Патрикеева о природе и охоте

Отдельные издания:

- 1. Планета любви: Из зап. охотника Обского Севера. М., 1995. С. 100.
- 2. Болотно-луговая охота со спаниелем: Из зап. охотника Обь-Иртышья. Ханты-Мансийск, 1996. С. 125.
- 3. 30 лет со спаниелем: Из зап. охотника Сев.-Зап. Сибири. Тюмень: «Вектор Бук», 1998. С. 181.

Рассказы и очерки об охоте:

- 4. Горностай; Орел и щука; Счастливый чирок: [Рассказы] // Следы на тополе. Тюмень, 1958. С. 3–8.
- 5. Сходные случаи // Югра. 1993. № 2. Содерж. : В мечте и наяву; Страсть сильнее страха; Следы на траве.
- 6. Повторы // Охот. газета. 1993. № 1/2. С. 1. Из содерж.: В первый полет; Следы на траве.
- 7. Первое поле; На лугах со спаниелем // Стерх. 1993. № 1. С. 60-61.
- 8. Планета любви: Рожденный с ружьем // Ямал. меридиан. 1994. № 1. С. 56-60.

То же // Охотник. 1994. № 3. С. 38-39.

- 9. Планета любви: Первое поле // Ямал. меридиан. 1994. № 2. C. 57-62.
- 10.30 лет со спаниелем: Джой моя радость; Приполярный дебют // Югра. 1994. № 2. С. 59-61.
- 11. Планета любви: Отцовская школа // Ямал. меридиан. 1994. № 3. С. 37–42.

То же // Охотник. 1994. № 6. С. 41-43.

- 12. Планета любви: Осенние тропы // Ямал. меридиан. 1994. № 4. С. 36−39.
- 13. 30 лет со спаниелем: Джой моя радость; На Обь-Иртышских лугах // Югра. 1994. № 4. С.58-60.
- 14. Планета любви: Весна на Ямале // Ямал. меридиан. 1994. № 6. С. 49-53.

То же // Другая жизнь. 1995. № 4. С. 13.

- 15. Планета любви: Спаниели в Салехарде // Ямал. меридиан. 1994. № 5. С. 60-62.
- 16.30 лет со спаниелем: Джек утиный ас // Югра. 1994. № 5. С. 60-62.
- 17.30 лет со спаниелем: С Ледой на болотную дичь // Югра. 1994. № 6. С. 59-61.
- 18.30 лет со спаниелем: Рада ищейка и водолаз // Югра. 1994. № 12. С. 50-52.

То же // Охотник. 1997. № 4. С. 23.

- 19. 30 лет со спаниелем: Док. повесть // Охот. просторы. 1995. Кн. 1(3). С. 106–120.
 - 20. Таежный десант // Охотник. 1995. № 5. С. 40-41.
 - 21. Весенняя тяга вальдшнепа // Югра. 1995. № 6. С. 42-44.
- 22. Болотно-луговая охота со спаниелем: Королевские кулики // Югра. 1995. № 8. С. 43-46.
- 23. Болотно-луговая охота со спаниелем: Красная дичь // Югра. 1995. № 9. С. 45-47.
- 24. Болотно-луговая охота со спаниелем: Попутные птицы // Югра. 1995. № 10. С. 44−46.
 - 25. Со спаниелем в тайге // Югра. 1995. № 11. С. 44-46.
 - 26. Первое поле незабываемое // Охотник. 1996. № 2. С. 39.
- 27. Охота со спаниелем на болотную и луговую дичь в Западной Сибири // Охот. Б-чка. 1996. № 8. С. 18–43. Практ. прил. к альм. «Охот. просторы».
- 28. 30 лет со спаниелем: На лугах Обь-Иртышья // Эринтур. 1997. Вып. 2. С. 227-242.
 - 29. Охотились и на фронте // Охотник. 1997. № 3. С. 14-15.
- 30.30 лет со спаниелем: От лайки до спаниеля // Югра. 1997. № 7. С. 46–48; № 8. С. 45–48.
 - 31. Осень в тайге // Югра. 1997. № 9. С. 49-51.

То же // Охотник. 1997. № 5. С. 42-43.

- 32. Птичьи гончие спаниели // Югра. 1997. № 11. С. 50-51; № 12. С. 45-48.
 - 33. Со спаниелем в лесу // Российская охот. газета. 1997. 1 окт. С. 6.

Кольцевание и перелеты птиц:

- 34. Летят перелетные птицы // Ямал. меридиан. 1992. № 1. C. 22-25.
 - 35. Летающие адреса // Югра. 1992. № 3. С. 60-61.
 - 36. Кольца рассказывают // Охотник. 1993. № 2. С. 5-6.

Охраняемые птицы Обь-Иртышья:

- 37. Стерх белый журавль // Ямал. меридиан. 1993. № 1. С. 68.
- 38. Орлан-белохвост; Соколы; Скопа // Ямал. меридиан. 1993. № 2. С. 66-68.
- 39. Гусь-пискулька; Краснозобая казарка // Ямал. меридиан. 1993. № 3. С. 67-68.
- 40. Черный аист; Черный журавль // Ямал. меридиан. 1993. № 4. С. 67-68.
- 41. Кронщнеп-малютка; Малый кроншнеп // Ямал. меридиан. 1993. № 5. С. 68.
 - 42. Малый лебедь // Ямал. меридиан. 1993. № 6. С. 66.
- 43. Белоклювая гагара; Орел царь птиц // Ямал. меридиан. 1994. № 1. С. 63-64.
 - 44. Тайны белого журавля // Стерх. 1994. № 1. С. 24-27.
 - 45. Лебедь-кликун // Ямал. меридиан. 1994. № 2. С. 66.
 - 46. Пуночка // Ямал. меридиан. 1994. № 3. С. 68.
- 47. Серый журавль; Кулик-сорока; Лебедь-кликун // Ямал. меридиан. 1994. № 4. С. 56.
- 48. Соколиные птицы // Ямал. меридиан. 1994. № 6. С. 54. (Под псевд. Н. Борисов).
- 49. Ястребиные птицы: Под защитой закона // Ямал. меридиан. 1995. № 1. С. 68.
- 50. Стерх родом с Ямала // Югра. 1996. № 3. С. 43-45. (Под псевд. Н. Обдорский).
- 51. Тайна черного журавля // Югра. 1996. № 4. С. 44-49. (Под псевд. Н. Обдорский).
- 52. Водоплавающие: [Из Красной книги] / Н. Обдорский // Югра. 1996. № 5. С. 43-45.
- 53. Кроншнепы: [Из Красной книги] // Югра. 1996. № 7. С. 44-45. (Под псевд. Н. Обдорский).
- 54. Под защитой закона: [Охраняемые птицы] // Югра. 1996. № 8. С. 44-45.
 - 55. Дневные хищники: [Охраняемые птицы] // Югра. 1996. № 9. С. 47.
- 56. Ночные хищники: [Охраняемые птицы] // Югра. 1996. № 10. С. 44–45. (Под псевд. Н. Обдорский).
 - 57. Совиные птицы // Ямал. меридиан. 1997. № 5. С. 44.

Этюды и статьи:

- 58. Наедине с природой // Югра. 1992. № 8. С. 21-23.
- 59. Высокий смысл // Охотник. 1993. № 1. С. 13-14.
- 60. Куда дуют ветры: (С Новой Земли) / Н. Патрикеев, Б. Слез-кин // Стерх. 1993. № 2. С. 27-28.
 - 61. Концерт для арфы с оркестром // Югра. 1994. № 11. С. 54-55.
 - 62. Гуси Обь-Иртышья // Стерх. 1995. № 2(7). С. 58.
 - 63. Весна света // Югра. 1995. № 3. С. 46.
 - 64. Гуси Обского Севера // Ямал. меридиан. 1995. № 3. С. 97-99.
 - 65. Весна птиц // Югра. 1995. № 5. С. 45-46.
- 66.Осенний бал природы: Заметки фенолога // Югра. 1996. № 8. С. 46-47.
- 67. Будь благороден; Постижение // Сев. просторы. 1997. № 3. С. 75–76.
- 68. Wasserwiltjagt in westsibirien (Охота на водоплавающую и болотную дичь в Западной Сибири) // Jager (Охотник) журнал (Hamburg (Гамбург). 2004. № 6. С. 73.

Работы других авторов, подготовленные к изданию и переизданию Н.Б. Патрикеевым

- 69. Песня; Шуточный рассказ охотника / Зап. В. Денисенко // Югра. 1993. № 4. С. 47. [Материал взят из фондов Салехардского музея].
- 70. Няруй: Ненец. легенда; Медвежонок: Ненец. сказка: Песня старого ханта / Зап. В. Денисенко // Ямал. меридиан. 1993. № 6. С. 59. [Материал взят из фондов Салехардского музея].
- 71. На фронте борьбы с волками // Сиб. тракт. 1993. № 10. С. 12. [Ст. перепеч. из журн. «Урал. охотник». 1925. № 3].
- 72. Панов И. Надым // Ямал. меридиан. 1994. № 2. С. 42-44. [Очерк перепеч. из журн. «Урал. охотник». 1933. № 4].
- 73. Ямальские загибы / Н. Обдорский // Ямал. меридиан. 1994. № 5. С. 39-40. [Материал перепеч. из журн. «Урал. охотник». 1933. № 1].
- 74. Крен влево / Н. Обдорский // Ямал. меридиан. 1994. № 6. С. 45–48. [Материал перепеч. из журн. «Урал. охотник». 1933. № 1].
- 75. Сибирка на Ямале. Год 1876-й / Н. Борисов // Ямал. меридиан. 1995. № 3. С. 59-63. [Изкн. А. Брема «Путешествие по Сибири». СПб., 1891. С. 314-318].
- 76. Винницкий В. Кондо-Сосвинский охотсовхоз // Югра. 1998. № 2. С. 49-51. [Ст. перепеч. из журн. «Урал. охотник». 1933. № 4].

Литература о Н.Б. Патрикееве как писателе-экологе

- 77. Материалы по фенологии. Л., 1962. Вып. 3. Сибирь и Дальний Восток. С. 8. (Геогр. об-во).
 - 78. [Н.Б. Патрикеев] // Ямал. меридиан. 1992. № 1. С. 23.
 - 79. Поздравление коллеге // Югра. 1992. № 8. С. 23.
 - 80. Личности. Судьбы // Ямал. меридиан. 1993. № 5. С. 27.
 - 81. [Н.Б. Патрикеев] // Охотник. 1994. № 2. С. 14.
 - 82. [Н.Б. Патрикеев] // Ямал. меридиан. 1994. № 2. С. 41.
 - 83. Энтузиаст // Охот. просторы. 1994. № 2. С. 253-254.
 - 84. Поздравления автору // Ямал. меридиан. 1995. № 1. С. 37.
- 85. Булгаков М. Книга с двойным дном // Ямал. меридиан. 1995.
- № 2. С. 59. [Рец. на кн.: Патрикеев Н.Б. «Планета любви». М., 1995.]
 - 86. *Ревякин Н*. [О кн. «Планета любви»] // Охотник. 1995. № 5. С. 40.
- 87. Фокин С. Записки охотника Обского Севера // Моск. охот. газ. 1995. № 46. С. 8. [Рец. на кн.: «Планета любви»].
- 88. Козлов Н. С ружьем, на калданке и посуху // Югра. 1995. № 12. С. 44. [Рец. на кн.: «Планета любви»].
- 89. Захаров И. Краеведение на подъеме // Югра. 1996. № 10. С. 38. [Рец. на кн.: «История Югры газетной строкой» и «Болотнолуговая охота со спаниелем»].
- 90. Фокин С. Записки охотника-спаниелиста // Моск. охот. газ. 1996. № 52. С. 8. [Рец. на кн.: «Болотно-луговая охота со спаниелем»].
- 91. *Булгаков М*. Двадцать лет спустя [Обзор охот. лит.] // Охота и охот. хоз-во. 1996. № 12. С. 39.
 - 92.[Н.Б. Патрикеев] // Сев. просторы. 1997. № 3/4. С. 74.
- 93. [Н.Б. Патрикеев] «30 лет со спаниелем» // Охотник. 1997. № 5. С. 42. [Рец. на кн.: «30 лет со спаниелем»].
- 94. *Пашук А*. Бескорыстное увлечение, состояние души // Югра: Дела и Люди. 1998. № 2. С. 62. [Рец. на кн.: «30 лет со спаниелем»].
- 95. Зуйков Б. Записки современного охотника // Охотник. 1998. № 4. С. 42. [Рец. на кн.: «30 лет со спаниелем»].
- 96. Тимофеев Γ . Летописец югорской земли // Югра. 1998. № 12. С. 40-42.
- 97. «30 лет со спаниелем» // Охот. просторы. 1998. Кн. 2(16). С. 222. [Рец. на кн.: «30 лет со спаниелем»].
- 98. Фокин С. [О кн. «30 лет со спаниелем»] // Охотничьи собаки. 1998. № 1.
- 99. Фокин С. Единение с природой // Югра. 1998. № 4. С. 50-51. [Рец. на кн.: «30 лет со спаниелем»].

- $100.\ Aзов\ Ю.\ Охотничьи записки Новомира Патрикеева // Эринтур. Ханты-Мансийск, 1999. Вып. 4. С. 272–274. [Рец. на кн.: «<math>30$ лет со спаниелем»].
- 101. Патрикеев Новомир Борисович // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 2. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2000. С. 344–345.
- 102. Патрикеев Н.Б. // Сибирь в лицах. Новосибирск, 2001. С. 516.

Библиографические пособия

- 103. Н.Б. Патрикеев: Библиогр. указ. / Сост. И. Шевелева; Ханты-Мансийская окр. б-ка. Ханты-Мансийск, 1993. С. 12.
- 104. Н.Б. Патрикеев: Библиогр. указ. / Сост. Т. Пуртова; Ханты-Мансийская окр. б-ка. Ханты-Мансийск, 1995. С. 5.
- 105. Югорские краеведы / Сост. В. Белобородов, Т. Пуртова. Шадринск, 1995. С. 90-91.
- 106. Н.Б. Патрикеев: Библиогр. указ. / Сост. Т. Пуртова; Ханты-Мансийская окр. б-ка. Ханты-Мансийск, 1996. С. 8.
- 107. Н.Б. Патрикеев: Библиогр. указ. / Сост. Т. Пуртова; Ханты-Мансийская окр. б-ка. Ханты-Мансийск, 1996. С. 7.
- 108. Ученые и краеведы Югры: Биобиблиогр. словарь / B.K. Белобородов, T.B. Пуртова. Тюмень, 1997. С. 213—215.
- 109. Академик Н.Б. Патрикеев: Библиогр. указ. кн.-журн. публикаций / Сост. Т. Пуртова; Ханты-Мансийская окр. б-ка. Ханты-Мансийск, 1997. С. 40.
- 110. Академик Н.Б. Патрикеев: Библиогр. указ. кн.-журн. публикаций: Дополнения за 1997—1999 гг. / Сост. Т. Пуртова; Ханты-Мансийская окр. б-ка. Ханты-Мансийск, 2000. С. б.
- 111. Новомир Борисович Патрикеев: Библиогр. указ. кн.-журн. публ. / Гос. центр. б-ка Ханты-Манс. авт. окр.; Сост. Т.В. Пуртова. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2002. С. 36.
- 112. Библиографический указатель писателей Югры. Екатеринбург, 2004. С. 203-213.

Список использованных журналов

- «Другая жизнь» (Тюмень)
- «Московская охотничья газета» (Москва)
- «Охота и охотничье хозяйство» (Москва)
- «Охотник» (Москва)

- «Охотничьи просторы» альманах (Москва)
- «Охотничьи собаки» (Москва)
- «Охотничья газета» (Москва)
- «Российская охотничья газета» (Москва)
- «Северные просторы» (Москва)
- «Сибирский тракт» (Тюмень)
- «Стерх» (Санкт-Петербург)
- «Эринтур» альманах (Ханты-Мансийск)
- «Югра» (Ханты-Мансийск)
- «Ямальский меридиан» (Салехард)
- «Jager» («Охотник») (Hamburg (Гамбург)

Составитель Т. Пуртова,

Государственная библиотека Ханты-Мансийского автономного округа

годы пятидесятые

«Ледовый» рейс. Проводка лодок у берега

«Ледовый» рейс. Перед последним затором

«Ледовый» рейс. Наконец приехали

Б.В. Патрикеев на расстановке манщиков

Б.В. Патрикеев у трофеев коллективной охоты на Хадаре

Протока Лесной Хадар ранней весной

Автор с братом Борисом и Александром Касьяновым (в центре) у костра на Мохтылево

Автор и старейший охотник Салехарда А.З. Бахмутов (справа) на любимом мысу у Карыч-Могота

Автор с окольцованной уткой

Охотники на привале

ГОДЫ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

Б.В. Патрикеев с сыновьями Владимиром (слева) и Борисом. Полуйский сор

Борис Патрикеев (слева) и Дмитрий Сязи с сыном

Автор на весеннем лугу среди прошлогодней травы

Таких глухарей добывали в Тарко-Сале

Автор (второй слева) и Б.В. Патрикеев (крайний справа) у стойбища «Чум Елены»

Автор во время шторма на Харпосле

Сезон окончен, пора домой. Б.В. Патрикеев с внуками

Автор после удачной охоты

В.Б. Патрикеев с «попутным» трофеем

Автор во время последней охоты на Ямале. 1968 год

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ

После дележки добычи

Прием солнечных и снежных ванн

К заветным мечтам

Подбор трофеев

Гусь пошел

За кулисами охоты. Одежда сушится, готовы утки в суп

Автор со своим спаниелем

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	- (
Глава І. Из воспоминаний детства и юности	. /
Глава II. Из наблюдений и дневников	4
Библиография	88
Фотоиллюстрации	9

Патрикеев Новомир Борисович

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА НА ЯМАЛЕ (записки охотника Северо-Западной Сибири)

Дизайн обложки А. Ушаков Рисунки художника В. Романова Верстка Е. Устенко Корректор Н. Бай Технический редактор О. Бай

Фото из архива автора, В.Б. Патрикеева, С.Г. Ситдинова

Подписано в печать11.06.2004. Формат 60х84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,02. Тираж 1000 экз. Заказ № 547

Отпечатано в ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север». 629001, г. Салехард, ул. Республики, 98

